

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО В ПРЕДРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

С. С. ДМИТРИЕВ

Старичок архиерей в повести Н. С. Лескова «На краю света» так философски и смиренно повествовал об образе правления русской церковью в его времена, да и ранее: «Мы ко всему притерпелися, потому, что нам уже это не первый снег на головы. Было и то, что наш *«Камень веры»* прятали, а *«Молот»* на него немецкого изделия всем в руки совали, и стречь-то и брить-то нас хотели, и в аббатию переделать желали. Один благодетель, Голицын, нам свое юродское богословие указывал проповедывать; другой, Протасов, нам своим пальцем под самым носом грозил; а третий, Чебышев, уже всех превзошел и на гостинином дворе, как и в синоде, открыто «гнилые слова» изрыгал, уверяя всех, что «бога нет и говорить о нем глупо»... А кого еще вперед сретать будем и что нам тот или другой новый петух запоет, про то и гадать нельзя». Но передающий эти горести православной церкви, которые приходилось ей претерпевать от церковной политики самодержавного государства в XVIII и первой половине XIX в., «престарелый архиепископ» в утешение себе и слушателям говорил, «что все они, эти радители церкви русской, ничего ей не сделают», да и не могут сделать ибо-де, «мы терпеливы да смирны»¹.

Прототипом лесковского «престарелого архиепископа» послужил известный ученый иерарх миссионер Нил (Исакович) (1799—1874), архиепископ Иркутский, затем Ярославский. Историю русской церкви и церковной политики государства он и чувствовал и знал хорошо. Отлично понимал он, как, впрочем, и все сколько-либо умные и образованные представители русского духовенства, полную и совершенную зависимость церкви от государства в России XIX в. Архиерей облакал эту зависимость в благородные ризы христианского терпения и смирения, оправдывал ее духом Христа, чтобы стыдливо прикрыть социально-политический смысл этой зависимости и цену ее.

Терпеливая и смиренная русская православная церковь все терпела и пред всем смирялась, что сверху ей от самодержавного государства преподносилось и предписывалось, совсем незадаром. Она была смирна, покорна и терпелива в конечном счете потому, что ее охраняло, содержало, опекало самодержавное государство. Императоры Александр I, Николай I и их преемники видели в религии и церкви величайшее и надежнейшее средство для удержания умов в повиновении. Церковь и

¹ Н. С. Лесков. Собр. соч. в 11 томах, т. 5, М., 1957, стр. 516—517.

Немного пояснений к словам лесковского рассказчика: «Камень веры» — полемическое сочинение против распространения протестантской проповеди (лютеранства) в России; написано в 1718 г. Стефаном Яворским, крупным церковным деятелем времен Петра I, долго было под запретом. «Молот на камень веры» — памфлет неизвестного автора, написанный в опровержение сочинений С. Яворского. Князь А. Н. Голицын, обер-прокурор Синода с 1803 г. Граф Н. А. Протасов, обер-прокурор Синода с 1836 г. Бригадир П. П. Чебышев, обер-прокурор Синода в 1768—1774 гг.

ее иерархи видели в императорах и самодержавном государстве своих верховных держателей и содержателей.

Церковная политика Александра I и Николая I временами болезненно задевала самолюбие и престиж отдельных сановников и служителей православной русской церкви, но в целом она была направлена в пользу духовенства. Церковь и государство последние десятилетия истории крепостной России являли трогательное единство и содружество в общем деле управления народом, в своем сосуществовании они были нераздельны, как живая улитка и ее раковина. Исторический симбиоз церкви и государства отражен в законодательстве и в других разнообразных источниках.

Одним из важнейших документов в истории самодержавия был закон Павла I о твердом порядке престолонаследия. Этот закон Павел I положил в московском Кремле на престол Успенского собора — главного кремлевского и, так сказать, всероссийского собора, места венчания русских самодержцев на царство². В этом законе российский император именовался главою православной церкви.

«Свод Законов Российской империи», подготовленный под смотрением М. М. Сперанского и изданный в начале 30-х годов XIX в., открывали «Основные Законы Российской империи». Статьи 40—46 этих законов касались веры и церкви. Статья 42-я гласила: «Император, яко христианский государь, есть верховный защитник и хранитель догматов веры и блюститель правоверия и всякого в церкви святой благочиния...»³. Православная русская церковь, согласно Основных Законов, утверждалась в России в качестве церкви «господствующей и первенствующей».

В то же время царское законодательство провозглашало принцип терпимости в отношении к иноверцам — право для них отправлять свои богослужения, но не пропагандировать свои вероучения. Разумеется, это писаное право в практике церковной политики самодержавия применялось гибко, а то и нарушалось.

Иначе, впрочем, и быть не могло. Ведь любая, всякая, так сказать, каждая данная политика самодержавия была верна, правильна и справедлива высшей, надчеловеческой, абсолютной, божественной справедливостью. Самая первая статья тех же Основных Законов прямо связывала самодержавие с богом: «Император Всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной его власти не только за страх, но и за совесть, сам бог повелевает».

Власть царя от бога, повиновение такой власти угодно богу. Естественно, что все волеизъявления этой власти, все очередные, текущие сколько-либо насущно важные проявления этой власти, то есть те или иные ее политические решения, распоряжения и действия, всего разумнее и авторитетнее было преподносить народу устами служителей церкви, устами людей непосредственно, так сказать, профессионально близких к богу. И соответствующее узаконение кануна XIX в. установило, что все высочайшие указы и манифесты, имевшие слова «объявляется всенародно», должны были доводиться до народа от имени царя путем чтения их «после божественной службы при церквах». (Общее учреждение губерний, статья 755-я.)

Священнослужители православной русской церкви, доводившие до народа все существенные акты политики самодержавия, умилявшиеся, подобно лесковскому архиерею, своему всетерпению и ангельской покорности, разумеется, не усматривали никакого противоречия с духом кротости в том, что именно их церковь утверждалась самодержавным

² «Акт, высочайше утвержденный в день священной коронации е. и. в. и положенный для хранения на престол Успенского собора» 5 апреля 1797 г. — ПСЗ. XXIV, № 17910, стр. 587—589.

³ Свод законов Российской империи, т. I, ч. 1, СПб., 1832.

законодательством первой половины XIX в. «господствующей и первенствующей», а выход человека из этой господствующей церкви и присоединение его к какой-либо другой церкви безусловно не допускались тем же государственным правом. «Уложение о наказаниях» прямо предусматривало тяжелые наказания, устанавливаемые государством за религиозную пропаганду, негодную православной церкви и самодержавному государству, за тяжкое преступление «совращения» в иную веру и церковь. Скромно и мягко именуемые «религиозными посягательствами» такие отпадения являлись по действовавшему в России праву не чем иным, как «преступлениями против веры и ограждающих оную постановлений». Еще с XVII в. в российском законодательстве преследование религиозных преступлений становится делом светской, государственной власти. Но именно законодательство самодержавия времен Александра I и особенно Николая I всесторонне разработало теорию и практику преследования религиозных преступлений, то есть взяло на себя всю деловую, практическую сторону борьбы за охрану прямых интересов православной церкви в России.

Если самодержавие того времени рассматривало и утверждало всю силу и всеми средствами государства православную русскую церковь как господствующую и первенствующую в России, то, со своей стороны, эта церковь утверждала величие, святость и незыблемость самодержавия, поддерживала его политику и убеждала в необходимости и благодати подчинения ему. Все сколько-либо заметные, сколько-либо деятельные и способные православные иерархи добросовестно трудились над укреплением, освещением и оправданием самодержавия, внушали народу и господствующим социальным слоям русского общества идею святости подчинения самодержавию, незыблемости существовавшего общественно-политического строя. Историк мог бы приводить многие сотни и тысячи высказываний и писаний духовных особ об этом. Ограничимся потому немногими из таких заявлений.

Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Никанор (Кlementьевский) (1787—1856) учил в проповеди, сказанной 22 января 1832 г.: «Кто имеет страх божий, тот чтит и царя, и напротив: кто чтит царя, тот должен иметь страх божий. Нужно ли доказывать вам, царелюбивые россияне, важность и необходимость заповеди — чтить царя?.. Честь царева заключается в совершенном ему с нашей стороны повиновении. Предписывает ли законы, издает ли постановления? Мы должны принимать их с радостью и исполнять со всюю верностью и усердием. Назначает ли подати и налоги? Мы должны платить без роптания... Требуется ли от нас наших детей для защиты отечества? В сем случае мы должны жертвовать не только жизнью своих сынов, но и собственную свою, только бы спасти престол и царство...»⁴.

Не все православные иерархи были столь прямолинейны и откровенны. Более тонко ткал и мягко расставлял свои сети наиболее прославленный церковный, вития, проповедовавший при трех царях — Александре I, Николае I и Александре II — московский митрополит Филарет (Дроздов) (1783—1867). Нередко проповеди его обращались и к эксплуататорам и к эксплуатируемым, содержали призывы к миру, к примирению. В самом первом своем обращении к московской пастве 14 августа 1821 г. он заключил проповедь молитвою о мире всем и каждому: «Мир пасущим стадо божие,— в христианском послушании пасомых; мир пасомым, в отеческом и братском попечении пасущих. Мир начальствующим,— в верности подчиненных; мир подчиненным,— в мудрости и кротости начальствующих. Мир судящим,— в непритворной искренности судимых; мир судимым,— прозорливости и беспристрастии

⁴ Цит по книге: Б. В. Титлинов. Православие на службе самодержавия в русском государстве, Л., 1924, стр. 142.

судящих. Мир продающим и купующим,— во взаимном отвращении от лукавства и обмана. Мир делающим и трудящимся,— в благословенном успехе полезного деяния и в обильном плоде труда праведного»⁵.

В проповеди, произнесенной через месяц, 15 сентября 1821 г., Филарет более страстно и более прозрачно обличал оппозиционные, революционные и либеральные взгляды, получившие заметное распространение в эти годы зарождения и развития декабристских организаций, и всячески утверждал неприкосновенность царствующих особ, помазанников божиих:

«Удивляюсь и сетую, вспоминая, как некоторые, вопреки столь ясному учению, что власть от Бога, среди христианства вздумали учить, что власть от народа»⁶.

В проповеди, произнесенной 22 августа 1836 г., тот же Филарет взывал к слушателям: «Повинуйтесь всякому начальству человеку, всякой законной, и особенно верховной власти, Господа ради, повинуйтесь полным, беспрекословным повиновением ради Господа всемогущего и правосудного, который не может попустить ненаказанного противления своему повелению...»⁷.

Во многих проповедях, всемерно убеждая паству повиноваться Николаю I, Филарет клеймил декабристов, обличал западноевропейское революционное движение 1830—1831, 1848—1849 годов. Глава православного духовенства в России с церковного амвона славил Николая Павловича за подавление революции и национально-освободительных движений в Европе.

Одним из важнейших средств воспитания и укрепления в народных массах почтения и благоговения, полнейшей покорности перед царями было самое богослужение православной церкви.

Чрезвычайно тщательное исполнение всех царских молений в церквях было постоянной заботой духовенства. Важнейшими и ответственными частями богослужения было возношение имен царя и членов царской фамилии. Пышно праздновались церковью ежегодные дни царского коронования, рождения и тезоименитства (именины).

Особые церковные службы сочинялись и высокаторжественно отпраздновались в связи с важнейшими политическими действиями, предпринимаемыми Александром I, Николаем I и Александром II. Исцеление царя и его близких от болезни, избавление от той или иной грозившей им опасности являлось предметом особых богослужений.

Но и среди установленных в дореформенной России XIX в. новых праздников, отмечаемых церковными богослужениями, большая часть по самому содержанию своему была такой, что не могла не сопровождаться тем же насаждением и возлелеянием культа царя, духа монархического верноподданства. Таковы были прежде всего торжественные дни исторических побед русского оружия — к службе о Полтавской победе прибавилась пышная служба об избавлении России от нашествия галлов и с ними «двунадесяти языцей» (так именовалась Отечественная война 1812 г.). Таковы были особые воспоминания об избавлении от грозных эпидемий (чумы 1771 г., холеры 1830, 1848, 1849 гг.). Установленные в честь новоявленных русских святых (святого Иннокентия Иркутского, 1804 г.; преподобного Феодосия Тотемского, 1796 г.; святого Митрофана Воронежского, 1832 г.; святого Тихона Воронежского, 1861 г.)⁸, праздники и богослужения также наполнены были молитвенными славословиями царям, царицам, великим князьям и княгиням.

⁵ Н. В. Сушков. Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита московского, М., 1868, стр. 43.

⁶ Б. В. Титлинов. Указ. соч., стр. 138—139.

⁷ Там же, стр. 139—140.

⁸ П. Знаменский. Учебное руководство по истории русской церкви, изд. 2-е, СПб., 1904, стр. 456.

Ежедневное, миллионы раз провозглашаемое в храмах молитвословие о «благочестивейшем» и «самодержавнейшем» царствующем государе-императоре могущественно содействовало развитию и укреплению в народных массах наивного монархизма, который являлся прочнейшей опорой самодержавия, надежным фундаментом царизма в крепостной России.

Проповедь почитания царей и подчинения их воле дополнялась поведенью подчинения всем существовавшим светским властям, которые де от царей же поставлены. И, разумеется, подчинения помещикам. Церковники обеляли и оправдывали самую первооснову и самодержавия и феодального общественного строя — оправдывали крепостное право. Оправдывали религиозно-моральными доводами.

В 1852 г. издано было наставление для образования воспитанниц женских учебных заведений. В нем, по свидетельству либерального публициста и глубоко религиозного, каким являлся славянофил Ю. Ф. Самарин, были «в пользу крепостного права приведены тексты из Священного Писания» — «единственный, доселе небывалый пример в нашей литературе». Воспитанницам, по словам Самарина, преподносился совет: «берегите крепостное право, как учреждение божественное, как Божию заповедь, употребляйте его как власть родительскую над детьми»⁹. Вместе с церковниками опекали крепостное право, само собою понятно, и сами помещики. Последние, наблюдая за «нравственностью» крестьян, направляли их в церковь, к духовным особам. Архиереи, монахи и приходское духовенство учили крестьян подчиняться и повиноваться помещикам.

Когда проф. С. П. Шевырев, доброхотный даятель реакционной теории официальной народности, потеряв в присущем ему ханжестве чувств меры, сетовал в 1848 г. в журнале «Москвитянин» на помещиков, которые так обременяли своих крестьян повинностями, что крестьянам будто бы не оставалось даже времени, чтобы сходить в церковь к обедне, то другой пособник той же теории профессор И. И. Давыдов пенял редактору «Москвитянина» М. П. Погодину: «Возможно ли писать, а вам с Лешковым пропускать такую нелепость, вредную для вас самих! Когда же дворяне и помещики мешают крестьянам ходить в церковь? Напротив, они их к тому побуждают. Да этим-то все и держится»¹⁰.

Правильное понимание своих интересов господствующим помещичьим классом определяло в общественно-идейных построениях представителей этого класса отведение православия и церковникам первенствующего значения. Официальный историограф историк Н. М. Карамзин в «Записке о древней и новой России» (1811 г.) писал: «Не довольно дать России хороших губернаторов, — надобно дать и хороших священников; без прочего обойдемся и не будем никому завидовать в Европе»¹¹. Хорошие губернаторы и хорошие священники, по мнению Карамзина, могли бы успешно управлять народом и удерживать его в повиновении. Известно, что его «Записка» предназначена была наставить Александра I в нужной для крепостников консервативной политике, отвлечь царя от заигрываний с либерализмом.

Необходимость содружества и сотрудничества хороших священников и хороших губернаторов, заявленная Карамзиным в начале века, преобразилась во второй четверти века в два первых члена «символа веры» николаевской России — теории официальной народности. Эти символы — православие («хорошие священники») и самодержавие («хорошие губернаторы»).

⁹ Ю. Ф. Самарин. Соч., т. 2, М., 1878, стр. 21, прим.

¹⁰ Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 9, СПб., 1895, стр. 429.

¹¹ Н. М. Карамзин. Записки о древней и новой России, СПб., 1914, стр. 131.

Наиболее долговечную и сильно действующую общественно-политическую идеологию крепостников и царизма выразил тогда младший современник Карамзина и последователь его политических заветов министр народного просвещения С. С. Уваров. Знаменитая теория официальной народности с большою четкостью была выражена именно им в начале 30-х годов. Уваровская «троица» — православие, самодержавие, народность. Православие и самодержавие в их живом родстве и нераздельном симбиозе стояли на первом месте в доктрине официальной народности.

Третий ее догмат — «народность» — в понимании Уварова и Николая I практически оказывался не чем иным, как крепостным правом, раскрывался как смиренный, покорный, патриархально-крепостной дух русского народа. Сам Уваров в беседе с М. П. Погодиным в конце 40-х годов прямо пояснял суть третьего догмата. Именуя крепостное право деревом, он говорил (согласно благоговейной записи его слов Погодиным): «Это дерево пустило далеко корень: оно осеняет и Церковь и Престол. Вырвать его с корнем невозможно. Надо постепенно»¹². Все три члена «символа веры» официальной России имели в глазах их творцов и носителей религиозный характер. О первом члене — «православие» не приходится и говорить ввиду очевидности вопроса. Что касается до двух следующих, то их характер отлично, с предельной прозрачностью истолковывал сам Уваров. В заседании Московского цензурного комитета, наставляя в уме-разуме цензоров и журналистов, он говорил в 1832 г.: «Политическая религия имеет свои догматы неприкосновенные подобно Христианской религии; у нас они: самодержавие и крепостное право; зачем их касаться, когда они, к счастью России, утверждены сильною рукою»¹³.

Доктрина официальной народности была признана и утверждена в качестве единственной общественно-политической идеологии, допустимой и поощряемой в стране. Основные догматы этой доктрины остались неизменными в идеологическом арсенале российского самодержавия вплоть до его падения.

* * *

Церковная политика царизма в последние пять-шесть десятилетий существования крепостного права в России была частью — и очень важной — его общей политики. Разложение крепостничества, развитие капиталистического производства и буржуазных отношений в России в конечном счете угрожали самому самодержавию.

Зародившееся и постепенно ширившееся в России того времени революционное движение (А. Н. Радищев, декабристы, А. И. Герцен, В. Г. Белинский, петрашевцы Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов) стало постоянной угрозой для сыновей и внука Павла I. Развитие и распространение передовой общественной мысли, общее критическое направление «духа времени», успехи науки, связанные с успехами политического свободомыслия и ослабление авторитета религии и церкви, вырастали в сильных противников самодержавия. Победа капитализма в передовых странах Западной Европы сопровождалась там установлением буржуазно-демократических порядков. А эти порядки делались все более привлекательными и для многих подданных Александра I и Николая I.

Царизм, выражая интересы крепостников, представляя самый сильный оплот феодализма в тогдашней Европе, в своей политике настойчиво противился опасному и нежелательному для него и российских крепостников «духу времени». Естественно и закономерно, что общая охрана

¹² Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 9, СПб., 1895, стр. 308.

¹³ Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 4, СПб., 1891, стр. 98.

тельная и реакционная направленность политики царизма должна была определить и действительно определила суть церковной политики. В религии и церкви, в новой обстановке первой половины XIX в., самодержавие стало усматривать очень важных и очень нужных помощников и союзников.

Ограничительные мероприятия в отношении церкви и духовенства, очень крутые меры по смирению церковников и секуляризации владений церкви, характерные для многих моментов церковной политики русского самодержавия в XVIII в. (Петр I, Екатерина II) уступили место в XIX в. заботам по укреплению авторитета церкви, ее хозяйства, ее порядков, заботам об улучшении материального и правового положения православного духовенства.

Систематическое ослабление власти духовенства, начавшееся с Петра I, наблюдалось в церковной политике русского самодержавия в течение всего XVIII в. Упразднено было патриаршество. Ограничены сильно судебные полномочия церкви, отобрана большая часть владельческих прав, да и самих владений. Обширные церковные доходы переводились в гражданское, светское ведомство, пополняя приходную статью государственного бюджета. Новые епархии почти не учреждались. При упорядочении епархиальных территорий старых, существовавших давно епархий светская власть кроила и перекраивала их по своему произволу¹⁴.

На рубеже XVIII—XIX вв. картина изменилась. С начала XIX в. самодержавие последовательно старалось посредством своей церковной политики укрепить религию, улучшить положение церковников, усилить воздействие церкви во всей политической и общественно-культурной жизни страны. И Александр I и Николай I прилагали много усилий для подъема престижа религии, прежде всего, конечно, православия. В том же направлении действовали и крепостники-помещики.

Первая половина XIX в. была временем натиска религии, оживления и активизации религиозных и религиозно-мистических настроений, временем усиления и укрепления деятельности церковников.

Вскоре же после Великой французской буржуазной революции реакция и церковь, возглавляемые и ободряемые светской властью, подняли головы. Реакционно-религиозные искания стали играть заметную роль в общественно-культурной жизни всей Европы.

Хорошо описал взрыв реакционного, религиозного и патриотическомонархистского, настроения в русском дворянстве уже в самом начале XIX в. никто иной, как С. С. Уваров, в те годы отдавший еще дань некоторому либерализму: «Это такой хаос воплей, страстей, ожесточенных раздоров, увлечения партий, что невозможно долго выдержать этого зрелища. У всех на языке слова: религия в опасности, нарушение нравственности, приверженец иноземных идей, иллюминат, философ, франкмасон, фанатик и т. д. Словом, это совершенное безумие»¹⁵.

Но в безумии проявлялась система: в новых условиях религия и церковь представлялись царям, да и более дальновидным крепостникам институтами весьма важными и нужными. Важными и нужными для укрепления своих подтачиваемых и постепенно ослабевавших позиций. В конечном счете этими соображениями вызывалась и определялась религиозно-церковная политика самодержавия в первой половине XIX в. Найти и поддержать, укрепить такие религиозные воззрения и такие культы, которые могли быть наиболее привлекательными, наиболее авторитетными для возможно более широких кругов населения России, которые могли с наибольшим эффектом обеспечивать повиновение широчайших масс подданных, сделать этих подданных не за страх, а за со-

¹⁴ И. М. Покровский. Русские епархии в XVI—XIX вв., т. 2, Каз., 1913, стр. 16.

¹⁵ Цит. по статье В. Н. Бочкарева «Консерваторы и националисты в России в начале XIX в.», «Отечественная война и русское общество», т. 2, М., 1911, стр. 212.

весть верноподданными российских самодержцев. Такие соображения были главными и для Александра I и для Николая I. Ими были продиктованы меры по усилению власти синодальных обер-прокуроров, по расширению владений церковников, по распространению «священного писания» и вообще религиозной и религиозно-мистической литературы, меры по увеличению паствы православной русской церкви.

* * *

В годы детства и юности Александр I не получил религиозного воспитания. По словам буржуазного историка русской церкви П. В. Знаменского, «в церковных делах он не имел никаких сведений, поэтому на первых порах царствования долго не обнаруживал к ним надлежащего внимания»¹⁶.

Вряд ли без больших поправок можно принять это суждение даже и для первой поры правления Александра, не говоря уже о всем его пребывании на троне. В действительности в течение всей четверти века своего царствования Александр I постоянно не упускал из поля зрения вопросы религии и церкви и приемами, которые казались ему пригодными, старался распространить религиозно-мистическую идеологию и укрепить церковь. Общеизвестен повышенный интерес Александра I то к католицизму, то к мистицизму, то к протестантизму и квакерам, то к разным проявлениям мистического сектантства. Не менее известно и то, что для православия и православной церкви этот царь всегда находил и время и деньги. Разнообразие проявлений интереса Александра I к религии и культам, по нашему мнению, свидетельствовало не о религиозном индифферентизме царя, а о поисках им наиболее добротных средств для своей политики. Таким средством, которое царь при всей своей гибкости никогда не упускал из вида, оказывалось все же обычно православие и русская православная церковь. Лишь некоторые годы его царствования, особенно те, когда он менее прочно чувствовал себя на троне, католицизм, мистицизм, протестантизм казались ему в своем роде как бы вспомогательными средствами, пригодными для отвлечения от нежелательного вольномыслия верхушки дворянства. И не только пригодными, но и более действенными, чем православие, более действенными для верхушки европеизированного дворянства. Ведь именно в такие тревожные годы вольномыслие этого влиятельного общественного слоя было особо опасным для нового царя: дворцовые перевороты, столь нередкие в русской истории XVIII в., были делом верхушки дворянства: сам Александр Павлович был, можно сказать, участником одного из таких переворотов. Этот-то переворот (11 марта 1801 г.) и доставил ему царский престол. Вольномыслие политическое и религиозное всегда шли рука об руку. Иезуиты-католики, и английские миссионеры из Британского библейского общества, и религиозно-философские идеалистические искания масонов могли сослужить свою службу в преодолении вольномыслия верхушки дворянства. Опасения некоторых православных церковников по поводу интереса царя ко всем таким «инославным» воздействиям, как показало время, были несостоятельными: в православии и православной русской церкви Александр I всегда видел главную силу. Церковная политика этого царя опекала более всего эту силу, и, разумеется, эту силу царь прежде всего и использовал.

Прямыми проводниками царской политики в отношении религии и культов служили обер-прокуроры Синода. И именно Александр I, да еще в самом начале своего царствования, при учреждении министерств 8 сентября 1802 г., утвердил важнейшую меру по усилению царского контроля и власти над православной церковью. С этого времени Синод не имел более непосредственных сношений с высшими государственными

¹⁶ П. Знаменский. Руководство к русской церковной истории, изд. 5-е, Казань, 1888, стр. 413.

ми учреждениями — все такие сношения отныне велись только через обер-прокуроров.

При учреждении министерств обер-прокурор при Синоде не был причислен ни к какому министерству. А с 1803 г. по воле царя обер-прокурор поставлен был в непосредственные отношения к царю. Личные доклады царю членов Синода, то есть иерархов, находившихся в синодальном «присутствии», были прекращены. Власть обер-прокурора Синода князя А. Н. Голицына, пользовавшегося неограниченным доверием Александра I, тем самым крайне усилилась.

Из четырех лиц, последовательно занимавших пост обер-прокурора Синода при Александре I (Д. И. Хвостов, А. А. Яковлев, А. Н. Голицын, П. С. Мещерский), одно лицо фактически держало в своих руках этот пост не менее 22 лет из 25 годов александровского царствования, а остальные три все вместе около 3 лет. Лицом этим являлся помянутый князь А. Н. Голицын.

Весьма важными фигурами в осуществлении религиозно-церковной политики царизма были также министры народного просвещения. И тот же самый Голицын, будучи обер-прокурором Синода, одновременно не менее десяти лет выступал то в качестве министра народного просвещения, то в роли управляющего министерством народного просвещения. В сравнении с Голицыным, всесильным в делах религиозно-церковной политики, три остальных обер-прокурора александровского времени ничего собою не представляли (бездарный стихоплет-графоман гр. Д. И. Хвостов; прордержавшийся в должности обер-прокурора всего-навсего девять месяцев А. А. Яковлев; креатура того же Голицына П. С. Мещерский, находившийся в прямом подчинении Голицыну).

Князь А. Н. Голицын при Александре I был опорой и оплотом церковно-религиозной политики царизма подобно тому, как генерал-адъютант Н. А. Протасов играл такую же роль при Николае I. И тот и другой, впрочем, как и остальные обер-прокуроры Синода, были людьми светскими, не имевшими специального церковно-религиозного образования, даже до начала своей деятельности по управлению православной церковью не твердые в вере и чуждые интереса к церкви и религии. Все это не помешало им отлично справляться со своими должностями. Оно и понятно — ведь все управление церковью еще со времен Петра I стало органической частью деятельности высшего государственного аппарата самодержавной Российской империи.

Обер-прокурору Синода послушно подчинялись православные церковные иерархи, присутствовавшие в Синоде. В состав Синода как учреждения входили так называемое «присутствие» (из иерархов) и синодальные учреждения (канцелярия Синода с двумя обер-секретарями, позднее преобразованная в две канцелярии — синодальную и обер-прокурорскую; хозяйственное управление; комиссия духовных училищ, заменная при Николае I духовноучебным управлением, и другие).

Верховное ведение по управлению православной церковью и проведению всей церковно-религиозной политики состояло из обер-прокурора Синода, из «присутствия» Синода и из синодальных учреждений. Все вместе взятые они, по сути дела, являлись в государственной машине Российской империи того времени весьма близким подобием обыкновенных министерств, введенных с 1802 г., так сказать, министерством православной церкви.

В «присутствии» Синода обычно находились 7 иерархов. Такое количество «синодальных персон» установилось в практике примерно с середины XVIII в. При Александре I число это было официально закреплено в штатном расписании на 1819 г. С начала XIX в. перестали назначаться в «присутствие» Синода архимандриты — только митрополиты и архиереи составляли с той поры «присутствие». Номинально оно и считалось обладающим всеми видами высшей власти в русской православ-

ной церкви. Фактически же власть «присутствия» направлялась и проверялась обер-прокурорами Синода.

Самыми видными деятелями в «присутствии» Синода в александровское время были: петербургские митрополиты — Амвросий (Подобедов), заседавший в Синоде с 1794 г. до 1818 г., Михаил (Десницкий; ранее черниговский архиерей) и Серафим (Глаголевский); затем заметными и колоритными фигурами являлись — тверской архиерей Мефодий (Смирнов); прославленный церковный вития, архиерей белорусский, потом астраханский Анастасий (Братановский) (до 1806 г.); архиерей калужский, потом рязанский Феофилакт (Русанов), известный ученостью епископ Евгений (Болховитинов), наконец, восходящее светило православных русских иерархов XIX в., последовательно занимавший кафедры епископа ревельского, тверского, ярославского, московского, — Филарет (Дроздов), позднее воспроставленный церковниками и всей официальной общественностью царской России митрополит московский.

* * *

Для всего царствования Александра I, равно как и для деятельности кн. А. Н. Голицына, главного сотрудника царя в церковной политике, характерным являлось стремление к усилению и укреплению религиозного мировоззрения при помощи разных средств и прежде всего при помощи мистицизма и использования нового опыта западноевропейской реакции по части церковно-религиозной пропаганды.

Очень благожелательно относилось самодержавное правительство в конце XVIII и начале XIX вв. к католицизму и к наиболее ревностным его пропагандистам — иезуитам. Революционные, политические и социальные перевороты в Западной Европе в конце XVIII в. рассматривались российскими правящими кругами, так же как и западноевропейскими реакционерами и воинствующими католическими церковниками, прежде всего как следствие успехов неверия, роста и распространения идей просвещения и вольномыслия. Влиятельные при русском дворе французские роялисты-эмигранты всячески содействовали укреплению таких взглядов. Особенно сильно влиял в этом направлении талантливый публицист, французский писатель граф Жозеф де Местр, в качестве сардинского посланника много лет проживший в России и наставлявший здесь уму-разуму порою и князя А. Н. Голицына и другого министра народного просвещения графа А. К. Разумовского.

Большой знаток иезуитов и истории их в России Ю. Ф. Самарин кристаллически ясно выразил еще сто лет назад внутреннюю подоплеку обращения российского самодержавия к услугам католицизма и иезуитов. Самарин писал: «В последних годах XVIII века и в первой четверти XIX, боязнь ада и забота о спасении душ уступили место боязни революции и заботе об охранении безопасности царствующих династий. Иезуиты прежде всех смекнули в чем дело, и преобразились еще раз. — „Вы боитесь революции, и не без основания; она вас непременно затопит, если вы не противопоставите ей надежного оплота. Этот оплот — мы. Никто чище нас не охлаждает народов. Мы знаем, чего вы хотите; вам нужны смиренные и сносливые подданные; таких мы вам и поставим; верьте нам только воспитание юношества и спите спокойно“». «Иезуиты — заклятые враги революции и неподкупные стражи престолов, эта тема нередко мелькала в указах императора Павла и в официальной переписке наших государственных людей времен Александра I»¹⁷.

В итоге при Павле I и Александре I католикам вообще, иезуитам в частности, предоставлена была весьма большая свобода действий в

¹⁷ Ю. Ф. Самарин. Соч., т. 6, М., 1887, стр. 222—223.

России. Рыцари Мальтийского ордена, гроссмейстером которого стал сам Павел I, открытые и тайные иезуиты чувствовали себя в России куда лучше, чем дома, по крайней мере до 1820 г. Даже после изгнания иезуитов из большей части европейских государств, после столь шумевшего во всем мире бреве римского папы Климента XIV *Dominus ac Redemptor poster* от 21 июля 1773 г., которым иезуитский орден объявлен был уничтоженным повсюду и навсегда, Екатерина II не изменила благоволения к иезуитам. Папское бреве не обнародовали в России. А права иезуитов даже расширили, особенно в Литве, русской Прибалтике, Белоруссии. В Полоцке и Динабурге (ныне Даугавпилс) открыты были новые их новициаты (особые пропагандистски-подготовительные и религиозно-образовательные установления для воспитания новых кадров католических монашествующих из молодежи, разумеется, прежде всего будущих иезуитов). Иезуитам позволено было избрать своего генерального викария для России. В правление Павла I католицизм и иезуиты завоевали себе новые позиции в собственно русских землях Российской империи. Католический храм св. Екатерины в Петербурге передан был в октябре 1800 г. в ведение иезуитского ордена. Вскоре же небольшое католическое училище, находившееся при этом храме, преобразовали в пышную иезуитскую коллегию, предназначенную к воспитанию детей русской дворянской знати.

Неуравновешенный, чрезмерно увлекавшийся Павел I всерьез задумывался было даже над возможностью полного слияния католицизма и православия. Иезуитский генерал Грубер представил царю записку о соединении церквей. По поводу этих предложений запросили высоких «синодальных персон». Тогдашний глава православного Синода петербургский митрополит Амвросий (Подобедов) в особой записке о власти римской курии, составленной епископом Евгением (Болховитиновым), отверг предложения иезуита. Царь обратился к иным благоприятствующим иезуитам планам. Павел I добился от нового римского папы Пия VII особой буллы *Catolicae fidei* от 7 марта 1801 г., которая восстанавливала любезный ему орден иезуитов в России. А сменивший его на престоле всего через несколько дней после подписания папой буллы, Александр I, отменивший множество распоряжений и начинаний убитого Павла I, не только не отказался от прокатолической и проиезуитской политики Павла, но распорядился опубликовать эту буллу в России. Лишь для соблюдения внешнего благоприличия царем заявлено было условие, чисто словесно обязывавшее иезуитов воздерживаться от пропаганды католицизма.

С этого времени главным и едва ли не единственным во всем тогдашнем политическом мире гласно существующим центром иезуитского ордена стала царская Россия. Вновь избранные генералы этого ордена австрийский патер Гавриил Грубер, затем поляк Фаддей (Тадеуш) Бржозовский предпринимали с полного согласия Александра I и кн. А. Н. Голицына новые и новые начинания в пользу воинствующего католицизма в России. Иезуитские миссии были учреждены в Москве, в Риге, в Сибири, на Среднем Поволжье (в саратовских колониях, поселенных там иностранных выходцев в Россию), в Астрахани, в юго-западной Украине, где главным оплотом иезуитов оказалась Одесса, наиболее крупный и важный русский город на Черном море. Школы и миссии иезуитов появились в Киеве, в Каменец-Подольске, в Симферополе, в Моздоке... Полоцкая иезуитская коллегия — главное средоточие иезуитско-католической пропаганды в Белоруссии, возведена была царским указом от 12 января 1812 г. в ранг академии. Ей предоставили права и преимущества, которыми пользовались в России крайне немногочисленные тогда университеты; она прямо ведала всеми низшими иезуитскими училищами. Только в вопросах воспитания эта академия значилась под смотрением министра просвещения; во всем остальном полностью распоряжался ею генерал иезуитского ордена.

Посредством усилий главным образом иезуитов католицизм добился заметных успехов в России. Ловкая католическая пропаганда, мастерами которой заслуженно слыли иезуиты, привлекла кое-кого из представителей высокопоставленного дворянства. Обратились в католичество люди из знатных старинных родов — один из князей Одоевских, князь А. Ф. Голицын, княгиня Голицына, графиня Ростопчина, Екатерина Толстая. В 1814 г. обнаружилось, что молодой князь А. М. Голицын, воспитанник иезуитской школы, племянник всесильного А. Н. Голицына, близок к соращению в католичество. Пришлось для направления заблудившегося молодого человека (А. М. Голицыну было тогда 16—17 лет) отдать его на увещание к Филарету (Дроздову), тогдашнему ректору Петербургской духовной академии. Ради отвращения от соблазнов католицизма таких юных душ Филарет написал особые «Разговоры между испытующим и уверенным о православии восточной грекороссийской церкви» (1815 г.)¹⁸. Позднее в лоно католической церкви обратились княгини З. А. Волконская, князь И. С. Гагарин, С. С. Джунковский, И. М. Мартынов и многие другие лица.

Большие достижения католицизма, особенно же иезуитов в России в конце XVIII и начале XIX вв., оказались, однако, к вящей радости русской православной церкви, в сильной степени подорваны политическими событиями во время Отечественной войны 1812 г., когда в западных губерниях Российской империи, временно занятых армией Наполеона, католическое духовенство лояльно сотрудничало с наполеоновской администрацией. Царский указ от 20 декабря 1815 г. выслал всех иезуитов из Петербурга и запретил им впредь жительство в Петербурге и Москве¹⁹. В заведенных в России иезуитских учебных заведениях отныне могли воспитываться и обучаться только католики. Спустя пять лет, 13 марта 1820 г., Александр I утвердил доклад А. Н. Голицына, тогда являвшегося министром духовных дел и народного просвещения. Согласно докладу иезуиты на этот раз высылались из всей России; имущество — очень значительное — иезуитского ордена было конфисковано государством; полоцкая академия со всеми ей подчиненными училищами упразднена. Роман с иезуитами был завершен.

* * *

Другое, еще более обширное зачатие александровских времен в области церковно-религиозной политики связано было с протестантизмом и его пропагандой и в то же время с ширившимся воздействием мистицизма, которому отдали дань и Александр I и А. Н. Голицын.

Это зачатие выразилось в усилении поворота Александра I в сторону религии и мистицизма, в широком, открытом переходе царя к реакции как в международных отношениях, так и во внутренней политике, в создании Российского библейского общества, в покровительстве всяким мистикам, прорицателям-пророкам, сектантам.

Если в первые годы своего царствования царь носился с мыслями о либеральных реформах, то еще накануне Отечественной войны, а особенно в ходе и после военных событий 1812—1815 годов, он стал все более откровенно и круто выступать в роли оплота реакционных сил и главы реакционной, монархическо-реставрационной политики. «Долговременное пребывание Александра за границей (после 1812 г. — С. Д.) только способствовало к развитию его в этом направлении. Потрясающие перевороты, какие испытала Европа, и здесь возбудили реакцию прежнему повальному либерализму и неверию. Более всех проигрывавшие среди революционных движений высшие классы и правительства

¹⁸ Н. В. Сушков. Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита московского, М., 1868, стр. 82, 83. Согласно рассказу Сушкова, «Разговоры» были написаны и изданы по желанию и настоянию кн. А. Н. Голицына.

¹⁹ ПСЗ, № 26.032.

ухватились за религию, как за самый консервативный элемент жизни, как за единственный якорь спасения от утолившей всех качки и бурных тревог недавнего прошлого, и для того, чтобы крепче соединиться между собою, стали вырабатывать для себя какую-то общую религию, в которой могли бы одинаково сойтись между собой и католики, и протестанты, и философы, и масоны, какое-то отвлеченное христианство без церкви и догматов, уповавшее на одно внутреннее озарение каждого от самого св. Духа»²⁰.

Постоянное обращение к евангелиям, каждодневное чтение библии, сближение с разными мистиками и церковниками, посещение святынь, подчеркнутая набожность, переходившая в ханжеский квиетизм, характерны для Александра и в последние десять-пятнадцать лет его царствования. За границей Александр сильнее, чем прежде, сближается с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом III, вместе предаются они религиозно-сентиментальным мечтаниям и обдумыванию реакционных политических шагов. В Бадене царь долго беседует с Юнгом Штиллином, стоявшим в челе всех мистиков Европы начала XIX в., и признает, что ближе всех к чистому идеалу христианства стоят гернгутеры. Община моравских братьев в Силезии пленила царя мягким, кротким духом истинного христианства; вернувшись в Россию, царь ставил ее в пример и образец. В Лондоне Александр милостиво толковал с квакерами, молился с ними вместе в их собрании, призывал их в Россию для устройства ланкастерских школ, филантропических учреждений и хороших, перевоспитывающих преступников тюрем. Авантюристка баронесса Крюднер, ловко спекулировавшая на повальном обращении правящих и господствующих слоев Европы к религии и мистике, стала для Александра на многие годы советчицей и наставницей²¹.

Самым деятельным образом участвовал Александр I в подготовке и разработке Священного союза 1815 г. — этой главной международной военно-дипломатической и идеологической силы общеевропейской реакции, восторжествовавшей после разгрома империи Наполеона I. Христианская религиозная идеология скрепляла этот реакционный «союз королей против народов».

Ближайшими сотрудниками царя в эту эпоху являлись два реакционера — уже известный князь А. Н. Голицын и пресловутый граф А. А. Аракчеев. Соперничая друг с другом во влиянии на Александра I, Голицын и Аракчеев заметно разнились в своих религиозно-церковных вкусах: первый тяготел к мистицизму, к туманному религиозному космополитизму, к идее «внутренней церкви» и «тихой, внутренней молитвы», второй — «военная косточка» фрунтовых времен Павла I — был прямолинейным и ограниченным приверженцем официальной православной церкви. Среди представителей этой церкви более всего импонирует Аракчееву изувер и фанатик архимандрит Юрьевского новгородского монастыря мракобес Фотий (Спасский).

Методисты, квакеры и другие английские и северо-американские сектанты-мистики преимущественно протестантского толка положили начало «Британскому и Иностранному библейскому обществу» в Англии в 1804 г. Это была миссионерская общественная организация. Целью общества являлось возможно более широкое распространение так называемого священного писания (библии) на языках всех народов мира.

²⁰ П. Знаменский. Чтения из истории русской церкви за время царствования имп. Александра I, Казань, 1885, стр. 27—28.

²¹ П. Знаменский. Чтения., стр. 28, 29. Личности и деятельности бар. Крюднер посвящено ценное исследование А. Н. Пыпина «Г-жа Крюднер». См. в кн. А. Н. Пыпин. Религиозные движения при Александре I, Пг., 1916, стр. 295—395. О сношениях и связях англо-северо-американских «друзей», как называли себя квакеры, с Александром см. также статью А. Н. Пыпина «Император Александра I и квакеры» в названной его книге.

Цовольно широкое английское миссионерско-христианское движение, зародившееся в исходе XVIII в., было одним из контрударов реакции в ответ на успехи буржуазной революции во Франции и распространение идей Просвещения во всем мире. Деятели Британского общества в первые годы царствования Александра I проникли и в Россию. Существенными предпосылками к их пропаганде здесь послужили развитые и многообразные экономические и культурно-политические связи России и Англии. Англичане завели миссионерскую колонию в Каррасе, на Кавказской военной линии; потом приобрели последователей на западных границах Российской империи в Финляндии и Эстляндии. В Або открылось Библейское общество. Наиболее рьяным приверженцем Британского Библейского общества являлся все тот же князь А. Н. Голицын²².

По проекту Голицына, являвшегося тогда не только обер-прокурором Синода православной русской церкви, но и главноуправляющим духовными делами иностранных исповеданий, 6 декабря 1812 г. царь Александр утвердил основание Библейского общества в Петербурге. Оно положило начало кипучей организационной и религиозно-пропагандистской деятельности Российского Библейского общества²³.

Немедленно же вступили в члены Российского Библейского общества сам царь, члены царствующей фамилии, затем множество придворных лиц; разумеется, одним из самых первых членов стал и А. Н. Голицын. При вступлении в Библейское общество в качестве почетного члена Александр I внес одновременно денежный взнос в сумме 25 000 рублей и обязался ежегодным членским взносом в 10 000 руб.²⁴ На первом же собрании вновь учрежденного общества, происходившем в голицынском доме 11 января 1813 г., президентом общества избран был А. Н. Голицын. В общество, организованное по инициативе светских и даже придворных кругов, охотно вступали и многие, влиятельнейшие и сановные православные церковники. В первом же собрании общества участвовали — глава «синодальных персон» митрополит новгородский и петербургский Амвросий (Подобедов), архиепископ минский и литовский (впоследствии митрополит петербургский) Серафим (Глаголевский), ректор Петербургской духовной академии архимандрит Филарет (Дроздов), царский духовник протопресвитер П. В. Криницкий. Плечом к плечу с ними заседали и духовные особы других вероисповеданий: митрополит римско-католической церкви в России Сестренцевич — Богуш; пастор англиканской церкви в России Питт; пастор Сарептского евангелического братского общества Шейерль; голландский пастор Янсен; члены и агенты Британского Библейского общества Патерсон и Пинкертон. И впоследствии во всей деятельности Российского Библейского общества активно участвовали многие видные духовные особы православной церкви, в частности Филарет (Дроздов) и митрополиты петербургский Амвросий (Подобедов) и киевский Серапион, состоявшие вице-президентами общества.

²² Общественно-политическим взглядам Голицына и его церковно-религиозной политике посвящено интересное по фактам исследование священника Н. Стеллецкого «Князь А. Н. Голицын и его церковно-государственная деятельность», Киев, 1901. При обращении к этой монографии следует помнить о принадлежности ее автора к церковникам.

²³ Из огромной литературы об этом обществе укажем на монографию известного буржуазно-либерального историка А. Н. Пыпина «Российское Библейское общество» (в книге: А. Н. Пыпин. Религиозные движения при Александре I, Пг., 1916, стр. 1—294). См. также: И. А. Чистович. История перевода библии на русский язык, 2-е изд., СПб., 1889; его же. Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине текущего столетия, СПб., 1894. Важные документы к истории общества в «Сборнике исторических материалов, извлеченных из архива собственного в. ш. в. канцелярии», вып. 12, СПб., 1904.

²⁴ П. Знаменский. Учебное руководство по истории русской церкви, изд. 2-е, СПб., 1904, стр. 429.

При столь высоких членах, при столь очевидном и афишируемом сочувствии и прямом участии самого императора Российское Библейское общество росло не по дням, а по часам. Его комитеты и отделения быстро, как грибы после теплого дождя, так и вырастали во всех краях России. Такая быстрота объяснялась несомненным воздействием власти Воззвания Комитета общества, подписываемые столь высокопоставленными и светскими и духовными чинами, по справедливому замечанию П. В. Знаменского, «повсюду сразу получали значение каких-то административных циркуляров. В губерниях во главе отделений общества становились лица тоже административные, губернаторы, архиереи, начальники местных войск, предводители дворянства, начальники учебных заведений, прокуроры, почтмейстеры и т. д. От них приглашения к участию в делах общества шли к уездным городничим и протоиереям, а от них в волости и приходы чрез помещиков, капитан-исправников и благочинных. Очень естественно, что отзывы на все подобные воззвания и приглашения повсюду получали характер подначальной исполнительности, и дело Библейского общества из общественно-религиозного превращалось в служебное и казенное». Таким же добровольно-принудительным путем вымогались и материальные пожертвования в пользу Библейского общества. О таком характере иных добровольных даваний выразительно свидетельствуют, «например, пожертвования по 100—300 руб. от крестьянских обществ, по безграмотности едва ли и понимавших важность этого дела, пожертвования от полков, равнявшиеся чуть не целому годовому окладу солдатского жалованья, и от детских библейских товариществ, которые стали открываться по некоторым школам с тех пор, как кн. Голицын сделался министром просвещения»²⁵.

Библейское общество вскоре обзавелось огромным капиталом. Переводы библии на разные языки народов многонациональной России следовали со сказочной быстротой, издавались и распространялись огромными тиражами. К 1825 г. общая цифра только таких изданий общества более чем на 40 языках и наречиях доходила до 876000 экз.²⁶

Помимо переводов библии общество и отдельные его особо активные и богатые члены издавали громадное число разных религиозно-нравственных и, само собою понятно, монархическо-верноподданических книг и брошюр для народного чтения. Одна лишь богомольная писательница и филантропка княгиня С. С. Мещерская, принадлежавшая к верхушке аристократии, за 1813—1826 гг. издала в свет более 90 подобных брошюр в 400 000 экземпляров слишком²⁷.

Влияние Библейского общества достигло своего апогея, когда царским манифестом от 24 октября 1817 г. введено было административно-политическое новшество, ни до того, ни когда-либо позднее не слыханное в истории царской России. Манифест учредил единое, общее министерство духовных дел и народного просвещения²⁸. Это было одно из реакционнейших мероприятий александровского времени в области идеологии и культуры. Соединение дела народного образования с насаждением поповщины, мистицизма, религиозного ханжества было делом рук А. Н. Голицына и окружавших его мистиков и масонов вроде А. Ф. Лабзина, Р. А. Кошелева и других. Президент Библейского общества князь А. Н. Голицын назначен был министром двойного министерства. Занимаемую им с 1803 г. должность обер-прокурора Синода Голицын, став министром, уступил князю П. С. Мещерскому, фактически сохранив за собою направляющее влияние и в Синоде. Годы существования двойного министерства Голицына (1817—1824) были временем наибольшего разгула мистицизма, религиозного ханжества и поповского мракобесия.

²⁵ П. Знаменский. Чтения..., стр. 40, 41.

²⁶ П. Знаменский. Учебное руководство по истории русской церкви, стр. 430.

²⁷ П. Знаменский. Чтения... стр. 39.

²⁸ ПСЗ, т. XXXIV, № 21, 106.

Министерство духовных дел и народного просвещения и Библейское общество находились как бы в некоей личной унии благодаря особе Голицына. В новом министерстве заправляли главные лица Библейского общества. Все дела Библейского общества направлялись его президентом — министром того же министерства. Департамент духовных дел голицынского министерства возглавил А. И. Тургенев, секретарь Библейского комитета в Петербурге. Департамент просвещения стал руководиться другим секретарем того же Комитета мистиком и изувером В. М. Поповым, являвшимся одним из столпов полухлыстовской секты-кружка полковницы Е. Ф. Татариновой. Вице-президенты и директора Библейского комитета назначены были попечителями учебных округов по министерству просвещения (Рунич — петербургского округа, Магницкий — казанского, Карнеев — харьковского, князь Оболенский — московского, граф Ливен — дерптского). Под смотрением и попечительством таких деятелей предпринят был большой крестовый поход против философии, науки и университетов. Из преподавания исключались целые отрасли знания. Передовые профессора изгонялись из университетов и предавались суду. Книжный рынок страны был засыпан мистической литературой. Результаты такой политики незамедлительно сказались. «Дух ханжества сильно распространялся в обществе, особенно в служебных сферах. Губернаторы, полковые командиры и др. начальства начали говорить своим подчиненным проповеди со множеством текстов и в мистико-пиетистическом вкусе библейских деятелей²⁹. Дух ханжества именно в это время непринужденно уживался у многих влиятельнейших людей с казарменным духом. Тогда А. А. Аракчеев сумел вынудить у кроткого православного мистика, петербургского митрополита Михаила (Десницкого) согласие молиться в обедню о военных поселениях. Вскоре после их беседы высочайшее повеление предписало «помянуть на ектении в церквах поселенные войска всех округов Военного Поселения»³⁰.

* * *

Была одна существенная сторона в деятельности Российского библейского общества, Министерства духовных дел и народного просвещения и самого Голицына — их главного вдохновителя, которая, конечно, не могла нравиться широким кругам русской православной церкви. Представители этой «господствующей и первенствующей» в России церкви и веры рассматривались библеяцами, чиновниками министерства Голицына, самим министром и всем его окружением, как всего навсего деятели одного из вероучений, существовавших в России. Библийцы осуществляли свою издательскую деятельность, минуя духовную цензуру. Веротерпимость Голицына, крайнее увлечение западно-европейскими мистическими новинками, явные претензии Библейского общества встать над всеми верами, выступать в роли единственного верховного арбитра в вопросах религии и вершителя дел в самой православной церкви вызывали естественный отпор. Многие православные иерархи и церковники и светские реакционные крепостники поднялись на защиту старины, традиции, национализма, повели настойчивые атаки и начали строить хитросплетенные интриги против библеяцев, «голицынцев», разных отечественных и иностранных мистиков и религиозных наставников. Русская православная церковь совсем не намерена была сдать свои позиции безропотно и утратить свое очень и очень небезвыгодное «господствующее и первенствующее» положение. По свидетельству Ф. Ф. Вигеля, учреждение общего министерства духовных дел и народного просвещения воз-

²⁹ П. Знаменский. Чтения... и пр., Казань, 1885, стр. 41.

³⁰ Н. В. Сущиков. Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита московского, М., 1863, стр. 54.

будило в православном духовенстве негодование и ропот³¹. На библейцев, мистиков и «голицынцев» посыпались доносы. Вождь литературных архаистов и политических реакционеров-крепостников адмирал А. С. Шишков негодовал: «Не странны ли, даже не смешны ли в библейских обществах наши митрополиты и архиереи, заседающие вместе с лютеранами, католиками, кальвинами, квакерами, словом, со всеми иноверцами? Они, с седою головою, в рясах и клобуках, сидят с мирянами всех наций и им человек во фраке проповедует слово Божие!»³².

Главным тайным двигателем недовольных стал другой всеильный временщик, наводивший на людей ужас граф А. А. Аракчеев. Пособниками и помощниками его являлись новый петербургский митрополит Серафим (Глаголевский), фанатический монах-проповедник Фотий (Спасский) и переметнувшийся к ревнителям старины и традиции национальной церкви М. Л. Магницкий, один из крупных чиновников голицынского министерства, дикий мракобес и одновременно беспринципный проныра-карьерист. «Убеждения» Магницкого, да и многих ему подобных святош тех ханжеских времен метко охарактеризовал литератор А. Ф. Воейков. В его сатире «Дом сумасшедших» (первоначальный текст 1814 г., дополнялся до 1838 г.) Магницкий так сам себя аттестовал:

«Я, как дьявол, ненавижу
Бога, ближних и царя.
Зло им сделать сплю и вижу
В честь Христова алтаря!
Я за орден — христианин,
Я за деньги — мартинист,
Я за землю мусульманин,
За аренду — атеист!»

Аракчееву, митрополиту Серафиму, Фотию и их партии сначала удалось подорвать безграничное доверие царя к Голицыну (к 1822 г.), а затем и свалить его (15 мая 1824 г. Голицын подал в отставку).

Сдвоенное голицынское министерство прекратило свое существование. Министром народного просвещения назначен был адмирал А. С. Шишков; вскоре по его назначению это учреждение приобрело с легкой руки Н. М. Карамзина нелестное и верное название «министерства затмения». Вся православная часть бывшего голицынского министерства возвратилась в качестве самостоятельного ведомства в ведение Синода и обер-прокурора Синода³³. Новоизбранным президентом Российского библейского общества стал «первоприсутствующий в Синоде» петербургский митрополит Серафим. Радостью и ликованием исполнено его публичное заявление: «Библию будем печатать опять только при Синоде»³⁴. Мастер велеречия Фотий (Спасский), сыгравший роль тарана в разрушении голицынской крепости, вешал в письме от 20 августа 1824 г. к приятелю — архимандриту Симоновского монастыря в Москве Герасиму: «Порадуйся, старче преподобный! нечестие пресеклось, армия богохульная диавола паде; ересей и расколов язык онемел; общества все богонепротивные, яко-же ад сокрушились; министр наш один Господь Иисус Христос, во славу Бога, Отца, аминь»³⁵. Желая увековечить великую заслугу Аракчеева перед православной церковью Фотий прислал в храм аракчеевского села Грузина два креста. Надпись на одном из крестов гласила: «Защитнику церкви, ревнителю правоверия, христороливному графу Алексею Андреевичу, для церкви св. Апостола Андрея, что в селе Грузине, сие знамя царя небесного Христа посылается в память веч-

³¹ Ф. Ф. Вигель. Записки, т. III, часть V, стр. 67.

³² Цит. по кн. П. Знаменский. Чтения..., стр. 43.

³³ ПСЗ, т. XXXIX, № 29914. Выс. указ на имя Синода от 15 мая 1824 г.

³⁴ П. Знаменский. Чтения... и пр., Каз., 1885, стр. 64.

³⁵ Материалы для истории православной церкви и царствование имп. Николая I, под ред. Н. Ф. Дубровина. Сб. РИО, т. 113, СПб., 1902, стр. 4, прим.

ную 1824 г. июля 6-го дня от архимандрита Фотия»³⁶. Библейское общество еще некоторое время влачило весьма скромное существование, но в первый же год царствования Николая I по настояниям А. С. Шишкова и представлениям Петербургского митрополита Серафима и епископа Евгения (Болховитинова) было закрыто по указу от 12 апреля 1826 г. Имущество закрытого общества, оцененное в два миллиона рублей, передали в ведение Синода. Потесненная было несколько православная русская церковь праздновала победу.

* * *

Наступление и торжество русской православной церкви закрепила церковная политика Николая I. Политика эта не знала исканий и новшеств александровских времен. Она была прямолинейна и тверда. В тройственной формуле теории официальной народности — единственной, непререкаемой официальной идеологии николаевской России — православие стояло на первом месте. «Православие, самодержавие и народность» — три лозунга, три главные идеи официальной идеологии. Раскрывая эти лозунги в отчете за первое десятилетие своего управления министерством народного просвещения, министр просвещения С. С. Уваров писал в 1843 г. царю: «Направление, данное Вашим Величеством Министерству, и его тройственная формула должны были восстановить некоторым образом против него все, что носило еще отпечаток либеральных и мистических идей: либеральных — ибо Министерство, провозглашая самодержавие, заявило твердое желание возвращаться прямым путем к русскому монархическому началу во всем его объеме; мистических потому, что выражение «православие» довольно ясно обнаружило стремление Министерства ко всему положительному в отношении к предметам христианского верования и удаление от всех мечтательных призраков, слишком часто помрачавших чистоту священных преданий церкви. Наконец, и слово «народность» возбуждало в недоброжелательных чувство неприязненное за смелое утверждение, что Министерство считало Россию возмужалою и недостойною идти не назад, а по крайней мере рядом с прочими европейскими национальностями»³⁷.

Православие и православную русскую церковь Николай I накрепко установил в системе своего бюрократического «аппарата самодержавия», как назвал его царствование историк А. Е. Пресняков. Полновластно, единолично распоряжался этот царь в делах церкви, сам устанавливал новые порядки в церковном управлении (педаanticское, ежегодное обозрение епархиальными архиереями их епархий; установление повседневного мелочного и неусыпного надзора за священнослужителями; разработка новой формы ежегодного архиерейского отчета о состоянии епархии; требования неупустительных донесений от епархиальных архиереев о всех происшествиях, случившихся в церквях и пр. и пр.). Мероприятия церковной политики николаевского тридцатилетия существенно укрепили порядки в русской православной церкви, сильно бюрократизировали эти порядки; очень заметно возросло в это время государственное значение этой церкви, выросла ее паства; увеличилось число епархий, викариатств, умножилось количество монастырей и церквей, улучшилось обеспечение духовенства. Наиболее крупными делами в области церковной политики при Николае I были несомненно: воссоединение униатов в 1839 г.; суровое искоренение раскола; устройство православных кафедр в Риге и в Америке; открытие четвертой в России православной духовной академии, учрежденной в Казани; полное преобразование Синода и преобразование его при обер-прокуроре Протасове фактически в большое и

³⁶ Там же, стр. 4, прим.

³⁷ М. Полиевктов. Николай I, М., 1918, стр. 228—229.

сложное министерство по делам русской православной церкви; начало приведения в твердое исполнение давнишних проектов о постоянном обеспечении сельского приходского духовенства; издание устава епархиального управления, который резко ограничил и ввел в твердые рамки своеволие архиереев на местах.

С присущим ему жестоким, не терпящим рассуждения, самостоятельности, творческого начала, духом, духом казарменно-военной и чиновно-бюрократической дисциплины, Николай I вел и свою церковную политику. Царь не переносил прекословия, требовал едино, а лучше сказать одномыслия, часто сам предписывал высшим иерархам и даже всему Синоду свою волю, свои мысли. Ему казалось и странным и недопустимым, что члены Синода иногда высказывали разные мнения. В 1828 г. один из ближайших любимцев царя генерал-адъютант П. А. Клейнмихель был за прелюбодеяние разведен с первой женой. Клейнмихель, по вероисповеданию являвшийся протестантом, тут же изъявил намерение вступить во второй брак, намереваясь заключить его с двоюродной сестрой своей первой жены. Такой второй брак был противен всем каноническим правилам. Но среди «синодальных персон», несмотря на очевидную ясность дела, выявилось разномыслие. Московский митрополит Филарет (Дроздов) запрещал такой второй брак. А царский духовник и придворный протоиакон Н. В. Музовский настаивал на разрешении желательного брака. На докладе обер-прокурора Синода о выявившемся разногласии Николай I написал предельно для него характерное суждение: «В догматах веры разногласия быть не может и не должно; посему подобного представления принять Я не могу от высшего духовного места в государстве. Вам, как блюстителю законов, должно сие вразумить членам синода, и когда положится общее единогласное мнение, основанное не на умствованиях и на толкованиях, а на точном смысле догматов, тогда мнение представить. Сим делом заняться не медля: ибо впредь строго вам запрещаю входить с подобным докладом, который совершенно выходит из всякого приличия»³⁸. По прямому же предмету разногласий — о допустимости или недопустимости такого брака для Клейнмихеля — было «Синоду внушено не касаться этого вопроса»³⁹.

Не сразу нашел Николай I нужного ему обер-прокурора. За тридцатилетие его царствования сменилось три обер-прокурора. Первый — князь П. С. Мещерский, доставшийся по наследству от Александра I, был личностью бесцветной и пассивной. Поставленный в должность А. Н. Голицыным, он с осторожностью продолжал исподтишка в некоторых делах прислушиваться к его советам, но в целом предпочитал во всем подчиняться митрополиту Серафиму. При нем (1817—1833 гг.) церковные дела оказались порядком запущенными⁴⁰.

Недолго (1833—1836 гг.) удержался в кресле обер-прокурор С. Д. Нечаев (кресло, видимо, досталось ему по родству — он был племянником по жене Мещерского). Принялся он за дело горячо, стал наводить порядки, пытался привести в движение сильно запущенную при Мещерском синодальную машину. Особенно деятельно подготавливалось при нем важнейшее мероприятие — воссоединение униатов. Но энергия, свободное обращение с людьми, а главное, неосторожность в суждениях о «синодальных персонах» привели к быстрому его падению. Семидесятипятилетнему митрополиту Серафиму, рутинеру и медлителю, Нечаев показался прямо-таки слишком либеральным. Персон этих, по слухам, обер-прокурор шутя называл «старички мои» и рассказывал в светских гостиных, «что они в синодских палатах более занимаются своими недугами, чем делами, и больше болтают о пустяках, чем о важных вопросах,

³⁸ Сборник РИО, т. 113, стр. 18.

³⁹ Н. В. С у ш к о в. Указ. соч., стр. 146.

⁴⁰ Сборник РИО, т. 113, стр. 153.

касающихся духовного управления. Последнее особенно кольнуло Серафима, который везде и со всяким любил поговорить о своих болезнях, и потому отзывы Нечаева он прямо отнес к себе»⁴¹. Незамедлительно, по настояниям Серафима, Нечаев очутился сенатором в Москве.

В опустевшее кресло обер-прокурора Николай I посадил своего флигель-адъютанта, гусарского полковника Н. А. Протасова. Посадил прочно, на двадцать лет (1836—1855 гг.), вплоть до его смерти. Протасов дослужился в Синоде до чина генерал-адъютанта, стал членом Государственного совета и графом. Он оказался настоящим «николаевским», нужным царю обер-прокурором Синода. Это был тот самый Протасов и тот православный Синод, по поводу которых реакционнейший публицист и остролов В. И. Аскоченский разразился умной сентенцией: «православную церковь управляет Дух Святой — в генеральском мундире»⁴². При помощи созданного им же нового синодального устройства этот обер-прокурор являлся, по словам М. Я. Морошкина, «в существе настоящим министром. Вся его обстановка: рой окружавших чиновников; директоры, вице-директоры, начальники отделений; тон обращения его с ними и с членами Синода — все напоминало о присутствии в Синоде министра духовных дел, особенно после удаления отсюда обоих Филаретов. Все делалось по его мановению и стук его гусарской сабли был страшен для членов Синода»⁴³. Протасов держал в страхе не только членов Синода. Он круто пресекал всякую, излишнюю, по его мнению, самостоятельность всех высших церковников, смирял нрав и административное самовластье архиереев.

* * *

Главными членами в «присутствии» Синода при Николае I были петербургские митрополиты — Серафим (Глаголевский), первоприсутствующий в Синоде с 1821 по 1843 г.; Антоний (Рафальский, с 1843 по 1848 г.); Никанор (Клементьевский, с 1848 по 1856 г.); московский митрополит Филарет (Дроздов, назначенный в члены Синода еще в 1819 г. и присутствовавший там до 1842 г.; впрочем, и после удаления в свою епархию он продолжал оказывать сильное влияние в синодальных делах); митрополиты киевские — Евгений (Болховитинов, с 1825 по 1837 г.) и Филарет (Амфитеатров, с 1825 г. до 1842 г.).

Практическими вершителями повседневных синодальных дел являлись лица, предпочитавшие быть менее заметными: в тени больших и громких «синодальных персон» им было безопаснее и выгоднее вершить эти дела, а заодно обделывать свои делишки. Таковы были: петербургский викарый Нафанаил (несправедливый, притеснительный и продажный), Навроцкий, секретарь митрополита Никанора (хитрый лицемер с подкупной совестью); обер-священник армий и флота В. И. Кутневич, ведомый искусник по части расследования всяких сугубо-щекотливых дел и казусов, сам, впрочем, густо подмаранный скандальным поведением своей старшей дочери, упорно сбегавшей от мужа-священника несмотря на отказ Синода в требуемом ею разводе; царский духовник Н. В. Музовский, широко известный своим цинизмом, картежничеством и заполнением синодальных учреждений своими родственниками. При благосклонном содействии этих лиц многого можно было добиться в Синоде, благосклонность же их можно было купить.

Признанным главою и руководителем всех российских православных иерархов почитался московский митрополит Филарет (Дроздов). Влияние его в делах церковных было действительно велико. Да и не только в

⁴¹ Там же, стр. 155.

⁴² Н. С. Лесков. Избр. соч., т. I, Берлин — Петербург — Москва, 1923, стр. 415. Комментарий А. В. Амфитеатрова.

⁴³ Сборник РИО, т. 113, стр. 157.

церковных. С его мнениями внимательно считались и Николай I и Александр II. В день своей коронации Николай I (22 августа 1826 г.) возвел его в звание московского митрополита — пост этот Филарет занял мал до смерти (в 1867 г.). В начале своей карьеры Филарет слыл либералом, был близок к А. Н. Голицыну и являлся деятельнейшим членом Библейского общества. Затем вскоре же сумел хорошо поладить с переприсутствующим в Синоде Серафимом, типичным консерватором. Сам Филарет остался в исторической памяти как надежнейший слуга и покровитель российских самодержцев, защитник крепостничества и телесных наказаний, твердый оплот всякой православной поповщины в русской общественной жизни и идеологии прошлого века. В. И. Ленин писал о защите «митрополитом Филаретом крепостного права на основании священного писания»⁴⁴.

Хорошо образованный и многоначитанный, Филарет имел ум сухой и догматический. Знаменитый, составленный им «Катехизис» (первоначально 1823 г.; дополнен и исправлен Синодом в 1839 г.) стал самым распространенным и наиболее внедряемым церковниками в умы, обязательным пособием во всех системах русской школы, в быту и в повседневных делах духовенства. Это был свод премудрости официального православного русского богословия. Известный историк церкви Н. М. Никольский очень четко раскрыл общественно-политическую направленность и сущность сочинения Филарета, когда писал: «Мы все учили в свое время этот катехизис и знаем, что в нем заключается. Кроме чисто богословских схоластических разъяснений никейского символа, катехизис содержит в себе начала и так называемого нравственного богословия — объясняет десять заповедей. При объяснении этих заповедей автор катехизиса, известный московский митрополит Филарет, без всяких обиняков обнаружил политическое значение катехизиса: достаточно вспомнить распространительное толкование пятой заповеди, причисляющее к отцу и матери все предрежающие власти, или толкование шестой заповеди, изъемлющее из запрещения убивать убийства на войне и смертную казнь. Посредством преподавания катехизиса закон божий в школе становился орудием политического воспитания молодежи»⁴⁵.

* * *

Из всех мероприятий церковной политики николаевских времен самым крупным и имевшим наибольшее общественно-идеологическое значение было, конечно, так называемое воссоединение униатов. Православная церковь давно замышляла утвердить свою власть над населением западных земель. О ликвидации унии и возврате униатов в лоно русской православной церкви, а вместе с тем и об ослаблении польско-помещичьего землевладения и твердо с ним связанного католицизма на землях Белоруссии, Правобережной Украины и Литвы российские церковники и самодержавие задумывались со второй половины XVIII в. Еще 22 апреля 1794 г. состоялся указ Екатерины II об искоренении унии.

⁴⁴ В. И. Ленин. ПСС, т. 5, стр. 339.

Приведенные слова В. И. Ленина давно известны и часто цитируются. Можно полагать, заметим, что с источниковедческой точки зрения, основой для них послужила записка Филарета «О телесных наказаниях с христианской точки зрения» (1862 г.). Она являлась как бы ответом на сообщенную Филарету записку князя Н. А. Орлова об отмене телесных наказаний в России. Записка Филарета впервые была напечатана в России в 1867 г. («Чтения ОИДР», 1867, кн. 3, стр. 11—13; см. эту же записку в «Собрании мнений» Филарета, т. 5, стр. 128—133). Записка Орлова напечатана в 1881 г. («Русская старина», 1881, т. 3); О позиции и взглядах Филарета в эпоху падения крепостного права есть небольшая, но ценная статья С. П. Мельгунова «Митрополит Филарет — деятель крестьянской реформы» (См. «Великая реформа», Сборник статей, т. 5, М., 1911, стр. 156—163).

⁴⁵ Н. М. Никольский. История русской церкви, изд. 2-е, М., 1931, стр. 203—204.

Началось было и воссоединение. Но затем дело приостановилось, чтобы снова оживиться и двинуться вперед в конце 20-х годов.

Тогда-то литовский униатский епископ Иосиф (Семашко) (1798—1868), впоследствии православный митрополит литовский, принял на себя главную ответственную роль в этом деле.хлопоты его встречали полную поддержку министра внутренних дел Д. Н. Блудова. Записка и протокол Семашко о нуждах униатской церкви и о путях воссоединения ее с русской православной церковью, представленные Николаю I, повлекли за собой указ от 22 апреля 1828 г. Указом учреждена была особая самостоятельная греко-униатская духовная коллегия, сокращено число униатских епархий, базилиане (монахи греко-униатского ордена св. Василия Великого) подчинены контролю униатской епархиальной власти. Направляющей силой новой коллегии являлся сам Семашко. Но только после польского восстания 1830—1831 гг. возникли ближайшие прочные предпосылки и благоприятные условия для осуществления воссоединения.

В это время воедино слились усилия Николая I, православного Синода, жандармов и министерства внутренних дел, усилия Иосифа Семашко и его ближайших сотрудников в подготавливаемом воссоединении — Антония Зубко и Василия Лужинского. В помощь названным силам призван был, конечно, в страшном секрете, и хитроумный московский митрополит Филарет (Дроздов). Крупнейшую и чисто административно-политическую по ее внутренней сущности реформу в западном крае нужно было подготовить и представить так, чтобы она выглядела актом совершенно добровольным и мирным и, разумеется, «делом рук Божиих».

Уже к 1834 г. сторонники воссоединения утверждены были на постах епископов всех униатских епархий. Особый секретный комитет, с 1835 г. членом которого стал и Семашко, энергично готовил «добровольное» воссоединение униатов. В Комитете трудились шеф жандармов А. Х. Бенкендорф, министр внутренних дел Д. Н. Блудов, обер-прокурор Синода Н. А. Протасов и П. Д. Киселев. Обер-прокуроры Синода С. Д. Нечаев и особенно Н. А. Протасов активно действовали по своей части в том же направлении. В январе 1837 г. униатская церковь подчинена была ведению обер-прокурора русского православного Синода. Одновременно велась напористая, постоянная обработка широких кругов низшего униатского духовенства, приближение обрядовой стороны униатской церкви и быта униатских духовных лиц к формам и традициям русской православной церкви и бытовому укладу православного духовенства. В униатских храмах воздвигались перед алтарями иконостасы, в богослужении стали употребляться служебники московского издания, униатским священникам возбрали брить бороды. Униатских священников убеждали и понуждали подписывать заявления о желательности воссоединения униатов. К исходу 30-х годов 1200 священников литовской и белорусской епархии дали свое согласие, 600 не дали.

Не было недостатка и в таких ревнителях воссоединения, которые предпочитали более крутые административные меры. Особенно отличался тут вновь назначенный полоцкий православный епископ Смарагд, по верному определению историка С. П. Мельгунова, «один из наиболее воинствующих и типичнейших миссионеров николаевской эпохи»⁴⁶. Такие деятели щедро применяли и прямое административное давление, и подкупы, и подлоги. Униатская паства (в массе почти сплошь состоявшая из белорусских, украинских и отчасти русских крестьян) оказывала зачастую пассивное, а местами и открытое противодействие таким воссоединителям. Только в августе 1835 г. волнения происходили в 112

⁴⁶ С. П. Мельгунов. Из истории религиозно-общественных движений в России XIX в., М., 1919, стр. 83.

униатских приходах полоцкой епархии, где рьяно действовал Смарагд. Подавляли эти волнения воинские команды, которые, по словам Смарагда, будто бы были нужны только лишь «для усмирения нескольких глупых мужиков...»⁴⁷. Не один недалекий Смарагд, но и премудрый Филарет (Дроздов), впрочем, не смущались крестьянскими волнениями; Филарет прямо говорил гражданским властям, что бояться этих волнений нечего.

Наконец, собравшийся в неделю православия в Полоцке, собор униатских епископов и высшего духовенства 12 февраля 1839 г. выработал торжественный акт о воссоединении униатской церкви с русской православной церковью. Николаю I представили от собора прошение о воссоединении, подписанное 1305 духовными лицами из униатских церковников. Короткая резолюция царя гласила: «Благодарю Бога и принимаю». 14 марта 1839 г. опубликован был указ Синода о принятии бывшей униатской церкви «в полное и совершенное общение... и в нераздельный состав церкви всероссийския». Более чем полутораmillionное униатское население западных губерний пополнило ряды паствы русской православной церкви.

Осуществление воссоединения униатов, достигнутое совместными усилиями самодержавия и господствующей в России православной русской церкви при прямой поддержке литовского униатского епископа, послужило насущно важной предпосылкой для усиления реакционно-руссификаторской социальной и национальной политики Николая I в Белоруссии и Литве, а отчасти и на Украине.

На медали, выбитой вскоре в память воссоединения униатов, вычеканены слова, едва ли не принадлежащие Н. А. Протасову: «Отторгнутые насилием воссоединены любовью». «Любовь» — в словоупотреблении обер-прокурора Синода, вероятно, была равнозначна «политике» и «воинским командам».

Но и годы и даже десятилетия спустя после 1839 г. православной русской церкви при помощи военно-чиновничьей царской администрации приходилось вновь и вновь присоединять униатов к православию и правдами и неправдами удерживать воссоединенных в своей пастве. Губернаторам гродненской, витебской и могилевской губерний приходилось с войсками силою загонять воссоединенных в православную церковь, под угрозой ссылки вымогать подписки «о неуклонении из православия». Не подчиняющихся и несогласных секут, секут безжалостно, «по-николаевски», иных засекая до смерти. Такие, и не столь уж редкие факты, предстают еще и в 40-х, и в 50-х, и в 60-х годах XIX века. Осведомляя общественность об этих фактах, А. И. Герцен в «Колоколе» 1858 г. в нашумевшей заметке «Секущее православие» поминал про «то душеспасительное время, когда Николай с благочестивым свирепством всекал униат в православие»⁴⁸.

Рядом с эпопеей воссоединения униатов, и благочестивого свирепства, с каким всекали их в православие, могут быть поставлены разве что до подобия с нею схожие полицейско-церковные мероприятия Николая I, направленные против старообрядцев. Былое равнодушно-либеральное отношение к старообрядцам, наблюдавшееся, когда длилось короткое «дней Александровых прекрасное начало» (крылатые слова А. С. Пушкина), заметно сменилось в конце царствования Александра I. Уже тогда снова начались утеснения и преследования старообрядцев. Крутой Николай I почти все тринадцатилетие своего правления прибирал к рукам старообрядцев. А руки николаевской политики частенько бывали в ежовых рукавицах.

⁴⁷ Там же, стр. 84.

⁴⁸ А. И. Герцен. Собр. соч., в 30-ти томах, т. 13, М., 1958, стр. 364.

Сперва порешили всеми средствами переводить старообрядцев в единоверие⁴⁹. Повели подконы, а потом и натиск на главные старообрядческие средоточия, на богатые людьми, деньгами и влиянием общины — на Рогожское и Преображенское кладбища в Москве, на поморских староверов, на монастыри Иргизов в Саратовской губернии, на Керженские скиты в керженских и чернораменских лесах Нижегородской губернии, на общины Стародубья в Черниговской губернии. И пошли теснить староверов по всей России.

Программный замысел своей политики власти утвердили в заявлении о намерении вести дело так, чтоб «дух терпимости соединялся бы с необходимыми мерами строгости»⁵⁰. Против раскольников воздвигнуто было множество стеснений. Воспретили построение вновь молитвенных домов, исправление старых, обращение в общественные молебны крестьянских изб, устройство в существующих часовнях престолов. Воспретили называть религиозные здания раскольников церквями. Предписали их именовать только «моленными» или «часовнями». С раскольников часовен снимали кресты, запретили колокольный звон. Строжайше повели преследование беглых попов. Раскольников монахов новый царский закон признавал за простолудинов. Вновь в раскольников скиты запретили кого-либо принимать. Дела о соращении из православия в раскол не подлежали более милостям высочайших манифестов и т. д. и т. п. Проще говоря, начали прямо уничтожать раскольников монастыри, а старообрядческий раскол истреблять.

К 1828 г. в старообрядческих обителях по берегам Большого Иргиза монашествовало не менее 3000 человек. Сюда стекался и здесь укрывался пестрый народ — беглые помещицы и заводские крестьяне, казаки, беглые попы и солдаты. Весь такой люд принимал «ангельские имена» иноков Иоасафов, Савватиев, Иоилей, Ион, Авелей и пр. Раскольников скиты были исполнены глухого народного противодействия властям светским и церковным. Первый поход на Иргиз возглавили епископ пензенский и саратовский Ириней (Нестерович) и саратовский губернатор князь А. Б. Голицын. За ними пошли в поход новые и новые воители. В итоге двадцатилетних усилий Иргизский центр был задавлен, по словам историка Н. С. Соколова, «совокупными усилиями гражданской и духовной власти». «Посредством подкупа присоединил князь Голицын в 1829 г. монастырь Нижний; „силой воинской“ Степанов в 1837 г. отнял у раскола монастыри Средние; „нечным нападением волка на овчарню“ Фадеев в 1841 г. захватил Верхние монастыри»⁵¹.

Местами на старообрядцев и огромные толпы крестьян, собиравшихся по их призывам для отстаивания старой веры, направляли военные части даже для пущего устрашения, с артиллерией, воинские и пожарные команды, жандармов. Здания храмов запечатывали, а то и ломали, чтимые старые иконы «древлего письма» отбирали. Толпы недовольных теснили солдатами; пожарные команды пускали в ход рукава и обливали народ холодной водой. Непокорных и упорных пороли, ссылали в Сибирь на поселение, отправляли в монастырские тюрьмы.

Сцены таких погромов и синодально-административных безобразий 30-х — 50-х годов XIX в. увековечены во всем памятных поденных записях отца Савелия Туберозова из «Соборян» Н. С. Лескова, на стра-

⁴⁹ Видный историк старообрядчества П. С. Смирнов оставил такое определение: «Единоверие есть условное единение старообрядцев с православною церковью: во имя союза с церковью «старообрядцы» принимают от нее законное священство, церковь же позволяет им содержать «старые» обряды и книги» (См. П. С. Смирнов. История русского раскола старообрядчества, изд. 2-е, СПб., 1895, стр. 207).

⁵⁰ П. С. Смирнов. История русского раскола старообрядчества, изд. 2-е, СПб., 1895, стр. 217.

⁵¹ Н. С. Соколов. Раскол в Саратовском крае. Поповщина до 50-х годов настоящего столетия, Саратов, 1888, стр. 423.

нидах романов и повестей П. И. Мельникова-Печерского и А. Ф. Писемского. В Вольной русской типографии А. И. Герцен и Н. П. Огарев обнародовали многие известия и источники о царско-синодальных ополчениях против старообрядцев.

«Меры строгости» разнообразились «духом терпимости»: старообрядцев вменяли в единоверье. Пускались в ход посулы, запугивания, обман, подкуп, и ласка и не слишком суровая таска. Во всех таких приёмах в духе терпимости особо отличился при переводе старообрядцев в единоверие опытный и хитрый миссионер по ловле староверческих душ Т. А. Верховский. Его избрали в 1845 г. Николай I и синодский обер-прокурор Протасов для окончательного выведения старой веры в черниговском Стародубье. В своих воспоминаниях Верховский чрезвычайно красочно, подробно и, можно сказать, непомерно откровенно поведал о подвигах на Черниговщине, как лично своих, так и местных, светских и духовных властей. Принимая Верховского, управляющий канцелярией Синода А. И. Войцехович, сказал, что поручение уловлять стародубцев в единоверие дано Верховскому непосредственно государем⁵².

Итак, церковная политика Николая I утверждала и закрепляла торжество православной русской церкви, положение этой церкви как «господствующей и первенствующей» в Российской империи, используя и применяя все средства и силы, какие были в распоряжении российского самодержавия. «Всекали» в православие униатов и старообрядцев, грабили и громили староверческие часовни и храмы, приманивали к православию туманными обещаниями льгот и земли протестантов-латышей; посулами, подачками и поблажками царские власти и синодальные миссионеры улещали и завлекали в нужную веру нерусское население Поволжья, Сибири, Алтая, Дальнего Востока, российских владений в Северной Америке.

* * *

Дореформенный период истории России ознаменовался значительными переменами во всем внутреннем строе православной русской церкви, в устройстве ее управления и росте церковного хозяйства в жизни и быте духовенства — «черного», монашествующего, и «белого», приходского. Численность духовенства, количество церквей, часовен, монастырей, число епархий заметно выросло. Выросли и церковные доходы.

Статистические данные о православных храмах, монастырях и духовенстве в дореформенной России довольно отрывочны и не могут считаться вполне точными. Восстановим, собранные нами и проверенные, наиболее достоверные цифры и показатели.

В конце XVIII в. в России существовало 35 епархий (с викариатствами). Храмов для этих епархий было достаточно: по вычислениям историка И. М. Покровского во всей русской церкви в 1682 г. было около 15 000 храмов, к концу XVIII в. насчитывалось их около 27 000 храмов (в том числе, видимо, и приходских, и монастырских, и домовых, и часовен). Обширные епархии включали накануне XIX в. в свои пределы очень много церквей. Из общего числа 35 епархий в 5-ти число церквей колебалось от 1270 до 1769, в 7 епархиях от 1002 до 1180, в 7 епархиях от 742 до 944, еще в 7 епархиях от 506 до 668, в 4 епархиях от 290 до 385, в трех епархиях от 182 до 251⁵³. Такая большая разница в числе церквей, приходящихся на одну епархию, явно свидетельствовала о необходимости увеличения количества епархий. С начала XIX в. число их заметно росло. В первые же годы нового века к православным епар-

⁵² «Стародубье». Записки протонерия с-петербургской Никольской единоверческой церкви Т. А. Верховского. Часть I, Казань, 1874, стр. 29—30. См. также Т. А. Верховский, протоиерей. Записки о его жизни, составленные им самим, СПб., 1877, 1096 стр.

⁵³ И. М. Покровский. Русские епархии в XVI—XIX вв., т. 2, Казань, 1913, стр. 833.

хиям русской церкви прибавились четыре новых православных епархии Грузинского экзархата (в связи с присоединением Грузии к России).

В 1825 г. в русскую православную церковь входило 37 епархий (4 первого класса, 13 второго и 20 третьего) и 5 викариатств; с этой церковью теснейшим образом связана была церковь Грузинского экзархата, к этому времени состоявшая из 5 епархий⁵⁴. Особенно быстро росло число епархий при Николае I и в начале царствования Александра II. В 1841 г. их было уже 50, в 1851 г. — 55, в 1861 г. — 58⁵⁵. Из вновь открытых епархий укажем на Литовскую и Белорусскую (с 1839 г.), Холмско-Варшавскую (с 1841 г.), Кавказскую (с 1842 г.), Рижскую (с 1850 г.), Самарскую (с 1850 г.), Абхазскую (с 1851 г.), Таврическую (с 1859 г.), Уфимскую (с 1859 г.). Новые русские православные кафедры учреждены были в Петрозаводске, Саратове, Новочеркасске, Симбирске, Полоцке, Томске, Херсоне, Варшаве, на Камчатке. Как видно, новые епархии устраивались преимущественно в западных губерниях (белорусских, литовских, польских), на Кавказе, в среднем и нижнем Поволжье и Заволжье, в Сибири и на Дальнем Востоке⁵⁶. Устроением новых епархий церковь стремилась закрепить на новых землях и среди новой паствы свое положение «господствующей и первенствующей» в Российской империи.

Помимо епархий, в системе православной русской церкви того времени имелось еще два особых, отдельных управления — одно для придворного духовенства (духовные лица, служившие при царском дворе), другое для военного духовенства. Первым ведал духовник царя, вторым — обер-священник армии и флота. По своему управлению придворным и военным духовенством царские духовники и обер-священники армии и флота практически были ничем не ограниченными распорядителями. Правда, в их ведении состояло не так уже много объектов: в 1840 г. числилось 13 придворных церквей и 272 военных (в том числе 163 подвижные церкви)⁵⁷.

В 1825 г. в России насчитывалось 24 682 обыкновенных и 449 соборных православных церквей, а также 785 молитвенных домов или часовен. При них числилось до 111 000 лиц белого духовенства (в том числе 965 протоиереев, 32 672 священников, 14 047 диаконов, 63 416 причетников)⁵⁸.

Начиная с 1840 г., располагаем цифрами более полными и точными. В этом году всех церквей в России (в том числе соборов, приходских церквей, монастырских церквей, ружных церквей, единоверческих, упраздненных или приписанных, состоящих при казенных заведениях и кладбищенских, придворных и военных) имелось 34 049, да сверх того часовен и молитвенных домов 9 305. Тогда же белого духовенства насчитывалось 116 728 человек.

В 1850 г. всех церквей соответственно было 35 534, а часовен и молитвенных домов 11 509. Белого духовенства «на лицо» при церквах 113 852, а вместе с заштатными 126 449.

В 1860 г. всех церквей — 37 675, а часовен и молитвенных домов 12 486. Белого духовенства «на лицо» 113 815⁵⁹.

Легко заметить постоянное значительное возрастание числа церквей, часовен и молитвенных домов. Самым деятельным образом содействовали их росту царские власти. Императорский двор возглавлял это дело, привлекал людей из имущих общественных кругов к учреждению

⁵⁴ Сборник РИО, т. 113, стр. 241.

⁵⁵ И. Преображенский. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840—41 по 1890—91 гг., СПб., 1897, стр. 11.

⁵⁶ Сборник РИО, т. 113, стр. 241; И. Преображенский. Указ. соч., стр. 12.

⁵⁷ И. Преображенский. Отечественная церковь по статистическим данным... и пр., СПб., 1897, стр. 19, прим. 2-е.

⁵⁸ Сборник РИО, т. 113, стр. 5.

⁵⁹ И. Преображенский. Указ. соч., стр. 19, 29.

и постройке новых церквей, восстановлению старых и совсем разрушенных. Для помощи дальнейшему развертыванию строительства новых храмов основали в 1859 г. в Петербурге всероссийское «Общество вспоможения беднейшим церквям и монастырям». Покровительство над этим обществом приняла на себя императрица.

В то же время сильно увеличилось число монастырей и монашествующих. Если в XVIII в. монастырское хозяйство свертывалось, число монастырей и монахов сокращалось, то в дореформенной России XIX в. наблюдалась противоположная картина.

В 1808 г. считалось в России 447 монастырей (в том числе 353 мужских и 94 женских). В 1825 г. их стало уже 476 (мужских 377, женских 99); монахов в них числилось 3727, послушников 2015, монахинь 1882, послушниц 3456. В 1840 г. монастырей уже было 547 (мужских 435, женских 112), в них монахов 5122, послушников 3259; монахинь 2287, послушниц 4583. Наконец, в 1860 г. число монастырей достигло 613 (мужских 477, женских 136); в них состояло монахов 5648, послушников 5554; монахинь 2931, послушниц 7669⁶⁰.

Заметим, что и после отмены крепостного права количество монастырей и монашествующих в России неуклонно возрастало (в 1870 г. 674, в 1880 г. 618, в 1890 г. 724; монашествующих и послушников обоего пола соответственно было 26098, 28212, 40286).

Из всех 182 (100%) православных монастырей вновь учрежденных в России в XIX в., открыто было, по подсчетам статистика В. В. Зверинского, при Александре I — 9 или 4,9%, при Николае I — 43 или 23,6%, при Александре II — 107 или 58,8% и при Александре III — 24 или 12,7%.

* * *

Росло число церквей и монастырей, увеличивалось количество духовенства, и «белого» и «черного», — естественно, что и церковное хозяйство ширилось и обогащалось за счет народа и при содействии государства.

По официальным данным, все капиталы находившиеся в заведывании центральных учреждений Синода, исчислялись в 1841 г. в 16 715 968 руб., в 1861 г. в 20 268 429 руб. Денежное хозяйство православной церкви вообще складывалось из а) специальных средств Синода, б) сумм, отпускаемых Государственным казначейством, в) местных епархиальных доходов. Сколько-либо достоверных сведений о специальных средствах Синода до 1865 г., к сожалению, у нас нет. Казна на расходы по духовному ведомству отпускала на 1841 г. 1 193 631 руб., на 1850 г. — 3 804 300 руб., на 1861 г. — 5 028 364 руб. Сильное увеличение средств, отпускаемых казною церкви с начала 40-х годов, объясняется тем, что, начиная с 1842 г., царское правительство стало во все возрастающих масштабах разрабатывать и утверждать так называемые нормальные штаты содержания причтов и практиковать постоянное материальное обеспечение приходского («белого») духовенства.

Местные епархиальные доходы составлялись прежде всего из а) кружечного, кошелекового и свечного сборов, б) доходов с имений, принадлежавших церквям и монастырям (земли, рыбные ловли, мельницы и пр.) и в) частных пожертвований в церкви. Эти местные епархиальные доходы по официальным данным выразились в 1841 г. в 2 863 568 руб., в 1851 г. в 4 484 760 руб. и в 1861 г. — в 7 684 030 руб.⁶¹

⁶⁰ Цифровые показатели по монастырям и монашествующим см. в след. изданиях: Сб. РИО, т. 113, стр. 5; В. В. Зверинский. Монастыри в Российской империи (Стат. временник Росс. империи, серия III, вып. 18), СПб., 1887, стр. 8—16; И. Преображенский. Указ. соч., стр. 13—17.

⁶¹ Все приведенные в тексте цифровые сведения о денежном хозяйстве православной русской церкви являются официальными данными, несомненно неполными. См. И. Преображенский. Указ. соч., стр. 219, 224, 229.

Конечно, по самому характеру всего церковного строя и особенно церковного хозяйства историк не может располагать совершенно полными и верными сведениями о размерах и источниках действительных доходов церкви. Отдельными учеными и публицистами (В. А. Милютин, Д. И. Ростиславов и В. В. Зверинский) предпринимались на свой страх и риск попытки выяснения церковных владений и доходов.

Либеральный профессор петербургской духовной академии Д. И. Ростиславов с большим трудом издал свою монографию «Опыт исследования об имуществе и доходах наших монастырей» (СПб., 1876; фамилия автора из осторожности не была указана). Хулами и обвинениями встретили эту книгу церковники — правда об их доходах и о тех причинах и приемах, при помощи которых извлекались ими из населения эти доходы, само собою разумеется, пришлось им не по душе. Беззастенчивая торговля в церквях и монастырях, систематическая эксплуатация духовенством религиозных верований населения ради увеличения своих доходов были показаны в книге Ростиславова без прикрас. Пять источников монастырских доходов насчитывал этот автор: «Одни из них получают от правительства в виде, так называемых, угодьев, другие в виде денежного вспоможения, также от правительства, третьи состоят из пожертвований и приношений православного народа, четвертые из денег, выручаемых отдачею в наймы домов, принадлежащих монастырям, наконец, пятые в виде процентов с капиталов в банковых учреждениях»⁶².

Монастыри успешно обзаводились новыми и новыми земельными владениями. По указу Павла I от 18 декабря 1797 г. на каждый монастырь начали отмежевывать по 30 дес. выгодной земли. Александр I дважды, в 1805 и 1810 гг., давал дозволения монастырям вновь приобретать недвижимые имущества (для внешней благопристойности такие приобретения каждый раз должны были делаться с высочайшего разрешения). При Николае I по правилам 1838 г. каждый монастырь мог получать лесных дач от 50 до 150 дес. По неполным данным отчетов обер-прокуроров Синода за 1836—1861 гг., за это время только 170—180 монастырям получено было от казны свыше 16 000 дес. лесу и более 9 000 дес. пахотной и луговой земли⁶³. Пахотные земли, леса, луга, мельницы приносили монастырям большие доходы.

Но самые крупные прибыли монастыри получали от богомольцев, их пожертвований, от кружечных сборов, от сборов по так называемой «неугасимой псалтири» и множества других видов сборов на вечное поминовение умерших.

Немаловажными доходами для монастырей являлись и разные приношения натурой — холст от крестьянок, хлеб — от помещиков, рыба, икра, мед и пр. — от купцов. Д. И. Ростиславов, родившийся в семье священника и окончивший Петербургскую духовную академию, в которой позднее и профессорствовал, рассказывает: «При покойном крепостном праве наши помещики и помещицы, если не были более благочестивыми, чем теперь, зато любили выражать свое благочестие обильными приношениями в монастыри. Деньги и тогда у них не всегда бывали в запасе, да и употреблялись на разные житейские нужды, и, может быть, на небезгрешные дела; но амбары помещиков были переполнены разным зерновым хлебом, который очень дешево доставался им, при помощи дарового труда крестьян. Тогда они, в зимнее особенно время, посылали в облюбованные ими монастыри по несколько возов и муки, и крупы, и пшена и, свса. Купцы, вечные соперники и вместе подражатели дворян, не хотели отставать от них; бывали примеры, что они посылали даже целые обозы в тот или другой монастырь, и вместе с хлебом отправляли

⁶² Д. И. Ростиславов. Опыт исследования об имуществе и доходах наших монастырей, СПб., 1876, стр. 69—70.

⁶³ Там же, стр. 73, 74.

также рыбу, мед, икру и пр. Мы не говорим уже о пожертвовании богатых облачений, серебряных риз на иконы, крестов, лампад, подсвечников, колоколов и пр. и пр.»⁶⁴.

Сотни тысяч богомольцев, в массе состоявших из крестьян и мещан, были постоянными поставщиками монастырских доходов. Особенно много богомольцев направлялось в наиболее популярные и прославленные своими святынями монастыри — в Троице-Сергиеву и Киево-Печерскую лавры (в конце 50-х — начале 60-х годов в каждую лавру приходило богомольцев примерно не менее 300 000 человек ежегодно), в монастыри — Соловецкий, Задонский, Юрьев, Валаамский, Спасо-Евфимиев и др., в пустыни — Саровскую, Нилову, Коренную, Оптину, Седмиезерскую и др.

Огромные деньги монастырям приносили часто устраиваемые крестные ходы, переносы и перевозки чудотворных икон из одной местности в другую. Между отдельными монастырями, между монастырским (черным) и приходским (белым) духовенством часто происходили разногласия и споры о дележе доходов от этих выгодных мероприятий. В решение споров властно вступались епархиальные иерархи, старавшиеся наладить справедливое распределение доходов между церковниками.

В монастырях и церквях открыто торговали разными святынями, изделиями монашескую братию (кстати сказать, порою это были изделия соседних с монастырем крестьян-кустарей, — изделия, которые монахи заказывали и покупали, а потом с наценкой сбывали заходящим богомольцам в качестве собственных трудов), прельщали верующих всевозможными молебнами, предлагали разнообразные требы и т. д. В церквях у ктитора места (китор — церковный староста) в дореформенной России весьма часто был наклеен особый лист, где указывалось когда и к какому святому в каких случаях надлежало обращаться за помощью: о бежавшем рабе к Иоанну Воинственнику (ради отыскания беглого человека), о разрешении неплодства к чудотворцу Роману, от блудных страсти к преподобной Фомаиде и т. д. Такие молитвенные обращения за помощью непременно сопровождалась покупкою свечей, заказом церковных служб и пр.⁶⁵. Храмовая торговля церковников нередко имела такой назойливый характер, производилась с таким бесстыдством, что многие светские верующие посетители святых мест приходили в смущение и возмущение. Поэт князь И. М. Долгоруков, заметный представитель дворянского либерализма начала XIX в., живо описал в своих дневниковых записях приемы подобной торговли в храмах Киево-Печерской лавры и Киево-Михайловского монастыря.

В Киево-Михайловском мужском монастыре хранились мощи св. великомученицы Варвары. Долгоруков наблюдал в 1810 г. такое зрелище у этих мощей: «Слушавши у гроба ее обедню и молебен, мы прикладывались к руке ее, обогащенной алмазами: на каждом пальце несколько перстней; в ногах тарелка с кольцами; после умиленных вздохов и молитвословий, их выбирают в самом гробе, как в ящике: монахи торгуются и просят подороже, а богомольцы, не теряя голов, хотят достать их подешевле: шум да крик. Какая неблагопристойность»⁶⁶.

Спустя семь лет, в 1817 г., тот же наблюдатель снова побывал у тех же мощей и занес такую запись в путевой дневник: «У гроба св. Варвары то же происходит, что и прежде: пропасть образов, колец, крестов

⁶⁴ Д. И. Ростиславов. Указ. соч., стр. 115.

⁶⁵ Заметим, впрочем, что такие же листы у ктитора места висели частенько в церквях, особенно сельских, и после 1861 г. Пермский протоиерей Е. А. Попов составил и издал даже особую справочную книгу «Святые, имеющие особенную благодать помогать в разных болезнях и других нуждах» (Пермь, 1879).

⁶⁶ И. М. Долгоруков. Славны бубны за горами или путешествие мое кое-куда 1810 года, М., 1870, стр. 273.

и всего наложено в раку, и торг идет своим порядком. Кто берет отсюда хлопчатой бумаги для ушей от простуды; кто в пузырек цедит масло для смазывания ресниц от офталмии; иные заимствуют ладан для окуиривания себя во время грома и проч. и проч. Замолчим из почтения к святыне». ⁶⁷

В Киево-Печерской лавре в 1810 г., по словам того же паломника, взорам богомольцев предстали многообразные виды торговли. «Хуже всего то, что в самой церкви (в соборном Успенском храме — лавры — С. Д.), позади столбов, в трапезе, сидит монах за столом, записывает подавание, ведет бухгалтерию и рассчитывается с православными в копейке, в денежке; весь этот порядок мог бы быть соблюден вне храма, а не в нем; канцелярия в церкви есть что-то отвратительное. А на паперти старички монахи продают крестики и образа; народ около них шевелится; тот передал и просит сдачи, другой переплатил, монах ловит за платье; часто шум, брань, я чаю, и драка: какое бесчинство». ⁶⁸

Даже иных глубоко религиозных, искренних и честных церковнослужителей коробили подобные торгашеские повадки, стяжательский дух, вымогательства с прихожан за требы. Калязинский священник И. С. Белюстин с горечью отмечал в своей записке «Описание сельского духовенства» (1858 г.), что это духовенство, по его собственным словам, «не имеет даже права сказать в утешение себе: вся терпим Христа ради. Не так оно держит себя, чтобы возбуждать в других все необходимое благоговение к служению своему» ⁶⁹. Крайнее негодование автора вызвали «нечестивые поборы с прихожан, что зовутся доходами. Священник отслужит молебен, — и тянет руку за подаванием; проводит на вечный покой умершего — тоже; нужно венчать свадьбу — даже торгуется; ходит в праздник по приходус единственной целью — собирать деньги; словом, что ни делает во всем одна цель у него: деньги» ⁷⁰. Подводя итоги, Белюстин приходил к заключению, гласившему, что сельские иереи — люди неуважаемые, зависимые и от местных помещиков и от крестьян-прихожан. В отношении к помещику сельский священник «не иерей, а тот же лакей, лишь в другом костюме»... ⁷¹ А в глазах крестьян-прихожан: «Что ж он, как не наемник? И какими глазами должны смотреть на него прихожане? О, пройдите из конца в конец Россию и прислушайтесь, как из-за этих проклятых доходов чествуют духовенство... Какая же после этого польза от всего его служения? Какое нравственное влияние может иметь он на прихожан, когда они хорошо понимают главную цель всех его действий» ⁷².

Можно быть только признательным Белюстину за ценнейший источник, который он оставил исторической науке в виде своей записки.

Церковно-жанровые сцены начала века, описанные Долгоруковым в киевских монастырях и церквях, и Белюстиным по всей сельской Руси в середине того же века, являются чрезвычайно характерными и типичными для религиозно-коммерческого быта православной церкви.

Светские и церковные власти старались поставить на более солидные и прочные основы материально-бытовую сторону белого, приходского духовенства. При Александре I вдвое была увеличена такса за требы (за крещение — 6 копеек, за брак — 20 коп., за погребение — 20 коп. и др.), исполняемые духовными особами для мирян.

⁶⁷ И. М. Долгоруков. Дневник путешествия в Киев в 1817 году, «Чтения ОИДР», 1870, кн. 2. Отд. II, стр. 112.

⁶⁸ И. М. Долгоруков. Славны бубны за горами или путешествие мое кое-куда 1810 года, М., 1870, стр. 264.

⁶⁹ Русский заграничный сборник. IV. Описание сельского духовенства, 1858, стр. 1.

⁷⁰ Там же, стр. 69.

⁷¹ Там же, стр. 87.

⁷² Там же, стр. 69.

Наделение церковей землями, возобновленное Павлом I, замедлилось было несколько в царствование Александра I, но Николай I снова его усилил. А с 1842 г. казна начала выдавать жалованье белому духовенству в западных епархиях. Со следующего года такое нововведение, правда, крайне медленно, стало распространяться и на другие епархии православной церкви в России. Особое положение, утвержденное этим же царем, упорядочило и прочно регламентировало обеспечение сельского духовенства землями, церковными домами и пособиями от прихожан⁷³. Но и это положение входило в жизнь с большим скрипом.

И все же историк должен отметить, что хозяйство православной церкви, ее владения, имущества и капиталы, ее многообразные доходы, материальное обеспечение духовных кадров, как черных, так и белых, в целом за первую половину XIX в. заметно выросли и упрочились. Возрос и стяжательный дух отцов духовных.

* * *

Наступательное движение и торжество официальной «господствующей и первенствующей» православной церкви в дореформенной России сопровождалось многими переменами во всем ее управлении, в правовом и сословном положении духовенства, в быте и нравах духовных особ. Преобразования в Синоде, превратившие его практически в министерство православных духовных дел, повели за собою сильную бюрократизацию всего церковного управления — центрального и местного, епархиального, приходского и монастырского. В церковных делах и учреждениях укреплялись бюрократические порядки, все более обычными становились в них приемы, обыкновения и нравы, характерные для всей административной машины крепостной России.

И одновременно николаевская реакционно-охранительная политика стремилась удерживать для духовенства более или менее твердые сословные рамки. Выход из духовного сана оставался по-прежнему крайне затруднительным. Духовные лица, которые изъявляли желание выйти из своего сословия, рисковали оставаться на долгое время без занятий и вообще попасть под подозрительное наблюдение со стороны властей предрежащих. В конце 30-х годов Синод вознамерился чуть-чуть облегчить условия для лиц, желающих выйти из духовного сана. Синодальное мнение поддерживал царский духовник Музовский. В резолюции по этому делу Николай I воспротивился существу задуманных мер и прекрасно раскрыл глубокие социально-политические причины, в силу которых считал нужным сохранение трудностей и препон к выходу из духовного сана. Царская резолюция на докладе обер-прокурора Синода гласила: «Полагаю, что звание священническое столь важно, что... должно затруднить добровольное оно же сложение. Не отвергая, что быть могут случаи, которые сложение делают иногда необходимым, полагаю, однако, что никак нельзя допускать, чтоб лицо, носившее сие высокое звание, могло непосредственно посвящаться иному служению, какое бы ни было, без явного соблазна и как бы в доказательство, что мирские обязанности сильнее духовных. Потому, сколь мне ни прискорбно не разделять мнения моего отца духовного, полагаю нужным поставить впредь: 1) дьяконам, добровольно с себя слагающим сие звание, воспретить вступать в какой бы ни было род государственной службы ранее 6 лет, 2) а священникам ранее 10 лет,—возвращаясь каждому в первобытное свое состояние и не пользуясь впредь никакими иными выгодами, кроме состоянием сим присвоенными»⁷⁴.

⁷³ П. Знаменский. Учебное руководство по истории русской церкви. СПб., 1904, стр. 359.

⁷⁴ Ф. В. Благовидов. Обер-прокуроры свят. Синода в XVIII и в первой половине XIX столетия, Казань, 1899, стр. 418.

Однако новые перемены все же находили себе место в жизни. Духовенство как особое, довольно замкнутое и своеобразное сословие русского общества переживало сложные, часто внутренне противоречивые процессы. Тяга к выходу из этого сословия и обмирщению остававшихся в нем лиц вопреки противодействию властей усиливалась. К исходу 60-х годов отошло в прошлое разделение епархий на три класса, а с тем вместе и титулы архиереев (митрополиты, архиепископы, епископы) стали безотносительны к достоинствам епархий, во главе которых эти архиереи находились. Замещение архиерейских вакансий значительно менее стало зависимым от самих верховных иерархов; начиная с 1822 г., Синод лишь выдвигал трех кандидатов — вопрос о назначении решался царем. Былая, на деле ничем не ограниченная власть архиереев в их епархиях была главным образом усилиями Н. А. Протасова в 30—40-е годы введена в определенные административные нормы. Устав духовных консисторий (1841 г.) твердо установил новые епархиальные порядки. Со времени его издания постепенно ликвидировались старые духовные правления (коллегиальные учреждения в епархиях), а роль секретарей консистории (в масштабах епархии секретарь консистории являлся маленьким подобием обер-прокурора при Синоде) заметно возросла. Характерные для всех учреждений дореформенной крепостной России нравы и обычаи стали заурядными и для церковных установлений. Издоимство и вымогательство консисторских секретарей, правителей дел в епархиях и других епархиальных должностных лиц ничем не отличались от замашек и повадок как всего чиновничьего аппарата Синода, так и многих высокопоставленных «синодальных персон». Поборы и требования «доброхотных даяний» — с одной стороны, разные «благодарности», «подношения» с другой, от просителей, распространенные были повсеместно.

Великолепен по обстоятельности, красочности и простодушию совершенно достоверный рассказ известного миссионера священника И. Вениаминова (впоследствии митрополита московского Иннокентия). В 1839 г. Вениаминов прибыл в Петербург с острова Ситха, расположенного у берегов Аляски, тогда являвшейся владением России; прибыл после пятнадцатилетней миссионерской деятельности на Алеутских островах и Аляске; прибыл к обер-прокурору Синода и к первоприсутствующему в Синоде петербургскому митрополиту Серафиму. Вот автобиографическое повествование Вениаминова о встрече его в столице империи: «По прибытии на кругосветном судне в Петербург, прежде всего явился я в Консисторию, признаюсь, не без греховного помысла, что на меня, как на пришельца из Америки, притом с наперсным крестом и с орденном, — с такими знаками отличий, каковые и на столичных священниках моих лет не на многих можно было видеть, — обращено будет особенно любопытное внимание. — Подхожу к указанному мне столоначальнику. Взглянув на меня гордым оком и несатым сердцем, столоначальник спрашивает: «Что вам надобно?» — Я из Америки, прошу прописать паспорт, — говорю я. — Он принял от меня паспорт, положил на стол и стал пересматривать другие дела; я сел и нетерпеливо стал следить за ним. И что же? К моему удивлению, я вижу, что на мой паспорт он стал накладывать пересмотренные им бумаги, через что образовалась целая стопа бумаг. Я не выдержал, встал и опять подхожу к нему и говорю: г. столоначальник! сделайте одолжение, не задерживайте меня, так как я должен поспеть для представления митрополиту и обер-прокурору. — «Погодите, еще без вашего паспорта много дел», — промышал столоначальник и, взяв гусиное перо (тогда стальных еще не было в употреблении у подъячих), обчинил его и на белом листе бумаги написал крупно: «25 рублей». Я сначала, по незнакомлению моему ни в Иркутске, ни в Америке со взяточною системою, не понял. Он, взглянув на меня, зачеркнул 25 и написал «15». Тут я понял, но притворился непонимающим: наконец sub-ego-cuius, т. е. подъячий (шарада из слов: «sub-под, ego-я,

сuius — чей), как в старину мы этих людей называли, зачеркнув 15, написал: «по крайней мере 10». Я вышел из терпения и сказал: милостивый государь! я уже доложил вам, что я из Америки — дикарь: без доклада войду в присутствие и там доложу о моей надобности. — «Вас оштрафуют». — Тогда деньги поступят в казну. — Столоначальник понял, что не на того напал, и прописал паспорт. После, когда я хорошо ознакомился с обер-прокурором графом Протасовым, рассказал ему об этом; граф залился смехом и сказал: «где же им взять? Ведь они, по бедному содержанию, нищие»⁷⁵.

Если таковы были обыкновения синодских дельцов в Петербурге, можно сказать, под окнами Зимнего дворца, обыкновения, как видно не только ведомые самому обер-прокурору Синода, но и вызывавшие у него лишь юмористическое настроение, нетрудно представить, каковы были порядки и нравы на местах.

Приходское, белое духовенство, массу которого составляли сельские причты, сильно страдало от поборов власть имущих церковников. Сытая, обеспеченная, лишенная трудов и повседневных забот о хлебе насущном монашеская жизнь, всевластные замашки архиереев вызывали недоброжелательное, насмешливо-горькое отношение со стороны приходского духовенства, прежде всего, сельского.

Свое отношение к черному духовенству, многие «белыцы» и не скрывали. Славился прямо-таки ненавистью к монахам протоиерей Казанского собора в Петербурге П. Н. Мысловский, одно время член Синода. Недаром не терпели его в Александро-Невской лавре, незря архиерей (монахи), сидевшие в Синоде, с трудом его переносили. Однажды, кто-то из высшего круга публично в большом обществе спросил этого протоиерея: «Правда ли, Петр Николаевич, что вы не любите монахов?» Ответ был едок и выразителен: «Неправда, ваше сиятельство: я люблю монахов, как пчел, которые дают нам мед, но зато и больно нас жалят»⁷⁶. Ответ немедленно разнесли по всей столице.

Но известно, что кряхтевшие от нахальных повадок чиновных мздоимцев, от всевластия архиереев, любившие покритиковать безбедную и обильную, сладкую жизнь монахов приходские, как городские, так и сельские, духовные лица и церковные причетники в чем и где могли неукоснительно наवरстывали свое за счет прихожан, за счет своих духовных детей. Правительство и высшие духовные власти прилагали, как мы видели, усилия к облагораживанию духовенства, к улучшению быта и смягчению нравов церковников, в первую голову сельских.

На рубеже двух веков верхушка духовных особ получила давно вошедшее для нее право — одно из существеннейших прав благородного сословия дворянства — право свободы от телесных наказаний по решениям светского суда. Священнослужители приобрели это право по царским указам 1796 и 1802 гг. Однако для церковнослужителей такая свобода пришла куда позднее, лишь при общей отмене телесных наказаний по суду, провозглашенной вначале пореформенного периода.

Московский митрополит Платон (Левшин), скончавшийся в 1812 г., старался в конце XVIII — начале XIX в. развить в духовных особах чувство собственного достоинства и сановитости, но ни он, ни его преемники решительных успехов по этой части не достигли. В известных словах Платона, сказанных им о себе и своих современниках (я «застал свое духовенство в лаптях, но не успел обути его в сапоги и ввести в гостиныя») ⁷⁷ должно признать много верного. Да и после Платона сель-

⁷⁵ И. Барсуков. Иннокентий, митрополит московский и коломенский, М., 1883, стр. 106—107.

⁷⁶ Сборник РИО, т. 113, СПб., 1902, стр. 79.

⁷⁷ П. Знаменский. Учебное руководство по истории русской церкви, изд. 2-е, СПб., 1904, стр. 352.

ское духовенство в своем быту, по своей образованности, по своим потребностям было очень и очень еще деревенским, даже и накануне падения крепостного права в России.

Протоиерей Виноградов, сын многодетного (в семье было 17 детей) священника из Старой Ладogi, сам учившийся в начале XIX в., так вспоминал об образованности духовных лиц в его время: «Кто бы поверил почтенной старине, которую иногда выхваляют пред новыми временами: тогда и в клиросе трудно было сыскать чернильницу, о бумаге и перьях не говори. Я помню, как в судебном деле священник просил кабатчика расписаться за неумением его грамоте. Помню, как матери попадьи дрались с мужьями за то, что им не хотелось отдавать детей в семинарию»⁷⁸.

Наблюдательные современники и мемуаристы, отличные знатоки жизни и быта сельского приходского духовенства — А. И. Розанов, Д. И. Ростиславов, И. Виноградов, И. С. Белюстин единодушно свидетельствовали о внешней близости хозяйственного быта сельских церковников к крестьянскому укладу крепостной России. Сам вышедший из сыновей сельского священника Рязанской губернии, Д. И. Ростиславов, родившийся в 1809 г., писал: «Не только во время моего детства, но и вскоре после него, духовные лица самую большую частью жили почти так же, как и крестьяне»⁷⁹. Где земля была получше, сельские батюшки занимались земледелием на церковных землях, прибегая обычно в таких случаях к сбору в горячее время сельскохозяйственных работ своих крестьян-прихожан себе «в помощь» в возможно большем числе. По основательному мнению И. С. Белюстина (1858 г.), такой «священник земледелец есть тот же крестьянин, лишь только грамотный, — с образом мыслей, с желаниями, стремлениями, даже и образом жизни чисто крестьянскими»⁸⁰. Внешняя близость хозяйственного быта крестьян и сельских духовных лиц в известной мере прикрывала подлинную эксплуататорскую сущность церковников в отношении крестьянства.

Гораздо заметнее проявлялись новые черты в жизни и быте приходского духовенства в первую очередь в значительных городах. Здесь европеизация в иных отношениях (напр., в одежде, во внешнем облике) шла довольно быстро. Порою власти особыми распоряжениями должны были ее слегка сдерживать. Александр I счел за благо издать указ (1825 г.), вменявший духовным особам и членам их семей (речь идет о белом духовенстве) в обязанность придерживаться определенного покроя одежды и не гнаться за новинками моды. Указ повелевал Синоду «составить правила о благоприличном духовным лицам одеянии, которое бы отличало их от мирских...»⁸¹. Другой царский указ примерно того же времени гласил «о небритии усов духовенству»⁸².

Заметных последствий такие распоряжения не имели: столичное духовенство сильно и быстро обмирщалось. На современников, однако, подобные меры оказывали определенное впечатление. Распространились сатирические стихи по поводу этих мер. Всезнающий московский почт-директор А. Я. Булгаков выражал удовлетворение в письме к брату от 15 сентября 1825 г.: «Очень умно делают, что дают женам и дочерям духовенства особенные отличительные одеяния; а то, право, было неприлично видеть попа, ведущего под руку молодую девушку, разряженную как бы девку на содержании. Всех поражало щегольство попадей на-

⁷⁸ Записки протоиерея Иоанна Виноградова. 1800—1836 гг. «Русская старина», 1873, т. 22, стр. 558, прим.

⁷⁹ Д. И. Ростиславов. Русская старина», 1880, т. 27, стр. 54—55.

⁸⁰ Русский заграничный сборник. IV. Описание сельского духовенства, 1858, стр. 74.

⁸¹ П. Знаменский. Высочайший указ 31 августа 1825 г. об одежде духовенства. «Русский архив», 1901, вып. 8, стр. 587—589.

⁸² Записки протоиерея Иоанна Виноградова, стр. 571.

ших»⁸³. К этому отрывку из письма редакция «Русского архива», где оно было напечатано (т. е. историк П. И. Бартенев, редактор журнала), сделала следующее любопытное примечание: «По „Письмам разных лиц к митрополиту Филарету“, недавно изданным, видно, что император Александр Павлович, в последние свои годы, весьма заботился о духовенстве. Издан был даже указ, воспрещавший помещикам, когда приходят к ним священники со святынею, не угощать их свыше одной рюмки водки. Чего только не испытало наше духовенство!». Восклицание Бартенева перекликается с сетованиями лесковского старика архиерея, приведенными в начале нашей статьи.

* * *

Мощная, разветвленная и богатая организация русской православной церкви в целом выступала в истории крепостной дореформенной России как крупнейшая консервативная, задерживавшая общественное и культурное развитие сила. Сила эта выступала на стороне самодержавия и крепостничества. Царизм и крепостники-помещики видели в этой силе важного для себя союзника и помощника.

Церковная политика самодержавия много сделала для обогащения православной церкви, для административно-бюрократического ее укрепления и упорядочения, для возможно более широкой пропаганды среди населения религиозной идеологии.

Религии и церкви подчинена была вся система образования.

С помощью светской и духовной цензуры самодержавие и православная церковь настойчиво препятствовали развитию передовых идей в общественной жизни и национальной культуре народов России и прежде всего русского народа. Церковники преследовали все проявления передового и прогрессивного в русской национальной культуре.

Но несмотря на усилия самодержавия, крепостников и православной церкви, «дух времени» был против них; «дух времени» явно оказывался сильнее их. Развитие естественных наук, распространение революционно-освободительных идей в дореформенной России, воздействие западноевропейской социально-политической борьбы — все это помогало формированию и распространению антиклерикальных и антирелигиозных взглядов в народе и в обществе того времени. Об успешном развитии таких взглядов наглядно свидетельствуют и многочисленные памятники фольклора той эпохи и деятельность и творчество А. С. Пушкина, В. Г. Белинского, А. И. Герцена, декабристов, петрашевцев, Т. Г. Шевченко, Н. А. Некрасова, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова.

В середине прошлого века «Письмо Белинского к Гоголю» (1847 г.) с полной отчетливостью выявило антиклерикальную и антирелигиозную направленность передовой, демократической и революционной общественной мысли России. Обширное, необозримое грядущее в последующем развитии русской культуры и духовной жизни всех народов России принадлежало именно мыслям Белинского о русском народе как народе по натуре глубоко атеистическом. «В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности... Русский народ не таков: мистическая экзальтация вовсе не в его натуре; у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме: и вот в этом-то, может быть, и заключается огромность исторических судеб его в будущем»⁸⁴.

Развитие и укрепление отечественной атеистической идеологии в эту эпоху являлось одним из самых важных проявлений общего кризиса основ феодального мировоззрения накануне падения крепостного права в России.

⁸³ Из писем А. Я. Булгакова к его брату. 1825-й год. «Русский архив», 1901.

⁸⁴ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 10, М., 1956, стр. 215.